

АНДРИ СНАЙР МАГНАСОН

«“LoveStar” Андри С. Магнасона можно было бы назвать антиутопией, но роман слишком забавен, чтобы навешивать на него такой мрачный ярлык: эффектам ужасов он предпочитает фарс».

Тобиас Лемкул, Deutschland Radio

Скандинавская линия «НордБук»

Андри Магнасон

LoveStar

Издательский дом «Городец»

2002

УДК 821.113.3-31
ББК 84(4Исл)-44

Магнасон А. С.

LoveStar / А. С. Магнасон — Издательский дом «Городец»,
2002 — (Скандинавская линия «НордБук»)

ISBN 978-5-907641-69-3

Роман «LoveStar» исландского писателя Андри Снайра Магнасона (р. 1973) — это антиутопия с яркими чертами научной фантастики. В основе сюжета, созданного автором в 2002 году, история влюбленной пары, противостоящей международному концерну, который стремится контролировать не только экономику и промышленность, но и человеческие чувства. Писатель задается глобальными философскими вопросами. Где границы человеческого познания? Допустимо ли человеку брать на себя роль Бога-Творца? Можно ли поставить научный поиск на службу коммерции? Что, в конце концов, остается неизблемым в мире и в жизни отдельной личности? Вдохновленный произведениями Итало Кальвино, Хорхе Луиса Борхеса, Курта Воннегута, Джорджа Оруэлла, Дугласа Адамса, Андри Снайр Магнасон создал оригинальную сюрреалистичную картину будущего, не только мрачную и гнетущую, но и полную причудливого гротеска. Книга переведена на шестнадцать языков и получила целый ряд международных литературных премий: в том числе специальный приз американской премии Филипа К. Дика (2012), французскую премию «Гран-при Воображения» (2016). На русском языке в издательстве «Городец» выходили книги Андри Снайра Магнасона «История Голубой планеты» (2020) и «Ящик времени» (2021).

УДК 821.113.3-31
ББК 84(4Исл)-44

ISBN 978-5-907641-69-3

© Магнасон А. С., 2002

© Издательский дом «Городец», 2002

Содержание

От переводчика	7
Семя	8
Полярная крачка / <i>Sterna Paradisaea</i>	9
Современный беспроводной человек	16
Индриды не привык плакать	21
Лимонное солнце	29
Мед	32
Lovedeath	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андри Магнасон

LoveStar

Andri Snær Magnason
LoveStar

Text copyright © Andri Snær Magnason, 2002

Title of the original Icelandic edition: LoveStar

© И. Мокин, перевод на русский язык, 2023

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2023

* * *

От переводчика

Если, открыв эту книгу на любой странице или прочитав аннотацию, вы подумаете, что перед вами острый и злободневный сатирический роман на тему современности, вы невольно впадете в заблуждение. На первый взгляд кажется, что факты, упомянутые в романе, заимствованы из последних новостей: изобретатель-бизнесмен запускает ракеты в космос, беспроводная связь позволяет смотреть кино в автобусе и заниматься удаленной работой на пляже, математические расчеты подбирают спутников жизни, а по кредиту можно заплатить, отдав свой голос в аренду рекламодателю. Но на самом деле Андри Снайр Магнасон создал эту книгу более двадцати лет назад.

Именно так и следует читать этот роман: не как реакцию на новости дня, а как взгляд в будущее – воображаемое, но возможное. В связи с этим при переводе возникли некоторые проблемы: в оригинальном тексте описываются устройства и технологии, еще не ставшие привычными на момент написания, поэтому у них нет конкретных названий. Однако сейчас для нас это уже нечто само собой разумеющееся и для всего этого есть устоявшиеся обозначения. В этих случаях переводчик посчитал нужным приблизить некоторые названия к их нынешним аналогам в русском языке, но не осовременивать эту терминологию полностью – в том числе и для того, чтобы книга не читалась как написанная сегодня.

Наконец, напомним читателям, что у большинства исландцев нет фамилий, а есть лишь имена и отчества; поэтому герои книги обращаются друг к другу только по имени. Отчества всегда заканчиваются на -сон для мужчин и на -доухтир для женщин.

Когда растение чувствует, что пришла пора умирать, оно собирает все свои запасы и упаковывает их в маленькое семечко и прямо перед тем, как увянуть, выпускает его наружу. Тогда есть надежда, что растение продолжит жить даже после смерти.

«Ботаника для начинающих»

Семя

Семя становится деревом, становится лесом, зеленым, словно ковер.

Яйцо становится птицей, становится стаей, заполняя небо, словно облака.

Яйцеклетка становится зародышем, становится человеком, становится человечеством, создает машины, пишет книги, строит дома, стелет ковры, сажает леса и пишет картины с облаками и птицами.

Вначале все это вмещалось в яйцо, в семени.

Лес. Птицы. Человечество.

Человеческая яйцеклетка весит ничтожно мало, но в первой яйцеклетке скрывалось ядро всего того, что пришло потом: любовь, радость, ненависть, гнев, искусство, наука, надежда.

Вначале не было ничего, только семя.

Все выросло из него.

Человек может создать все, но не жизнь.

Это доказано наукой.

Человек может умертвить жизнь, уничтожить жизнь, видоизменить жизнь; он умеет возвращать жизнь, умножать жизнь, зажигать жизнь от другой жизни, но не создать жизнь, и тем более семя.

Поэтому семя – это самое драгоценное, что есть.

В самолете, мчавшемся над Атлантикой в три раза быстрее звука, сидел человек.

Он нашел семя.

Оно лежало у него на ладони.

Если с семенем что-то случится, то надежды больше не будет.

Он просто не знал, что надежды больше нет в любом случае.

Ему оставалось жить не больше четырех часов.

Полярная крачка / *Sterna Paradisaea*

Когда однажды весной полярные крачки не нашли дорогу домой, а скопились, будто грозовая туча, над центром Парижа и стали поклевывать прохожих в темя, многие посчитали, что близится конец света и что это лишь первое бедствие в долгой череде напастей. Горожане скупали консервы, наполняли емкости водой и ждали нашествия саранчи, засух, потопов или землетрясений – но ничего такого не случилось, по крайней мере в Париже. Крачки заполонили парки и «островки безопасности» на дорогах и неистово обороняли свою территорию. Однако горожане быстро привыкли к бойким птицам, а те разрешали старикам спокойно сидеть на лавочках, если, конечно, у тех был с собой мешочек с сардинками или колюшками, чтобы утолить голод крачек.

Крачки перестали летать от полюса к полюсу. Летними ночами у Северного полюса никто не визжал и не клевался, и на Южном полюсе летними ночами тоже было тихо. У крачек нарушилось врожденное чувство направления. Какой-то внутренний инстинкт внушал им, будто они находятся в нужной точке планеты, будто они именно там, где нужно: за Северным полярным кругом, а город просто вырос здесь, пока они летали на юг. Самые старые крачки еще раздражались и путались, но первые поколения птиц, родившиеся в городе, знали только шум машин и людские толпы. И скоро крачка стала символом Парижа. Туристы покупали открытки с видами Эйфелевой башни, белой от рассеявшихся по ней птиц, а продавцы впаривали им кулечки с кормом – рыбками-гуппи. Крачек это устраивало, а поскольку ни один вид хищников не питался только ими, то и природный баланс не нарушился.

Меньше года спустя город Чикаго буквально наводнили пчелы, как если бы он был намазан медом – хотя в нем почти не было ни деревьев, ни цветов. Но несмотря на это, пчелы слетались к нему. На снимках с метеорологических спутников город как будто накрывал темный антициклон: вокруг черного центра крутился против часовой стрелки серый водоворот. Пчелы жалили и жужжали, сводя горожан с ума. Единственным средством от них был яд, и вот над городом стали летать туда-сюда самолеты, оборудованные для тушения лесных пожаров, и распылять отраву. Но пчелы все слетались к городу, и обработка инсектицидом все продолжалась, так что наконец город покинули все жители до последнего. Улицы теперь покрывал ровный слой мертвых насекомых в полметра толщиной, но новые пчелы всё продолжали прибывать, неся на лапках семена или пыльцу. Вскоре во всех трещинках зацвели цветы, пуская корни среди мертвых пчел. Зелень карабкалась по стенам высотных зданий и расползалась по улицам, а стеклянные небоскребы превратились в теплицы, жаркие и влажные, полные пресмыкающихся, насекомых и тропических растений, которые беспрепятственно разрастались из цветочных горшков. В других домах образовывались гигантские ульи, полные меда, который сочился по стенам, тек по асфальту и скапливался в водостоках. Бурные медведи приходили на запах с самой Аляски и облизывали дома, между цветами порхали птицы, а бедняки со всех концов земли, рискуя жизнью, отправлялись в город в поисках ценностей и меда.

В центре города образовалось золотое медовое озеро. Мед тек по улицам и площадям, просачивался по перекрытиям большинства домов в городе. Стекаясь к озеру, мед впитывал в себя все мыслимые запахи и вещества, попадавшие на пути; люди, искавшие необычных ощущений, намазывали его на хлеб и ели – и сам мир, само время становились для них золотыми, вязкими и сладкими, словно мед. На первый взгляд казалось, что к медовому озеру подойти легко: вокруг простиралась бесконечная поляна диких цветов. Однако цветы росли на тонком слое почвы, а под ним был слой вязкого меда, 20 метров глубиной; словно формалин, он хранил в себе неудачливых искателей приключений. Те, кто уходил к озеру, редко возвращались, но если все же кто-то приходил обратно, пусть всего лишь с одной баночкой золотого меда, то он мог до конца жизни забыть о бедности. Поэтому каждый день в городе можно

было видеть молодых людей, которые обвешивались таким количеством банок и бутылей, что сквозь слой стекла лишь едва угадывалась причудливо измененная фигура или искаженные очертания лица. Бутыли звенели, когда добытчики ступали на липкие улицы и начинали медленно продвигаться по ним. Спустя неделю пути они были еще на расстоянии слышимости голоса, и их матери еще посылали к ним воздушных змеев, к которым привешивали бутерброд или бутылку молока. Потом сыновья уходили дальше, и змеи уже не долетали. После этого добытчикам оставалось рассчитывать только на себя. Не было смысла искать убежища в домах: там были только соты и хранилища. Не было смысла убегать от бурого медведя или роя пчел-убийц. Если обычный человек мог за час преодолеть не больше 10 метров по меду, то медведи покрывали целых 20. Погоня оказывалась медленной, но от этого еще более жуткой. Но вообще медведям и пчелам необязательно было убивать людей: большинство гибли от недоедания или от нарушений пищеварения, если проваливались в мед по плечи и целый месяц вынуждены были поглощать только мед, цветы и личинок.

Вскоре после того, как над Чикаго закружились сумасшедшие пчелы, стали странно вести себя бабочки-монархи. Сколько помнили старики, эти бабочки каждый год перелетали гигантскими стаями через всю Америку в Мексику и укладывались там в зимнюю спячку. Лес, где они спали, весь становился рыжим от бабочек, которые облепляли каждый ствол, каждую ветку и каждый листок, и большинство людей считало этот лес священным, так что его нельзя было рубить и вообще трогать. Но однажды осенью бабочки-монархи все как одна поднялись в воздух и полетели в противоположную сторону – но не на юг, к местам своей зимовки, а на север. Люди пытались перенаправить их при помощи гигантских вентиляторов и сетей; бабочек собирали с вертолетов и силой перевозили в лес. Но все напрасно: внутренний инстинкт велел им лететь к северу, и как только их выпускали, они тут же устремлялись туда. Бабочки брали курс на Северный полюс, а прилетев, кружились вокруг него, пока не замерзали на лету и не оседали на льдины, подобно огромным снежным хлопьям. Они все прилетали и прилетали, пока наконец ледяная равнина вокруг полюса не стала сплошь оранжевой. На снимках из космоса Землю, казалось, накрыло оранжевой шапкой. Белые медведи, которые за 10 000 лет эволюции обзавелись маскирующей окраской, теперь оказались видны за сто километров. Заметив белые пятна,двигающиеся на фоне оранжевого ковра, тюлени зевали и неспешно соскальзывали со льдин в полыньи. Медведи чуть не вымерли от голода, ведь у них не было еще 10 000 лет на то, чтобы порыжеть. Но скоро они научились валяться в кучах упавших бабочек, намочив мех, и если на шкуру намерзло достаточно бабочек, то медведь становился невидимым на рыжем фоне. Их следы на снегу так и оставались белыми, но тюленям не хватало ума связать белые следы с приближающимся хищником.

Вскоре выяснили причину всех этих происшествий. Мир был так наполнен всеческими волнами, сообщениями, передачами и электромагнитными полями, что животные стали ловить помехи из эфира. А в один и тот же день четыре авиалайнера совершили жесткую посадку ровно в семи километрах от своих мест назначения. И тогда людям пришлось всерьез задуматься, чем можно заменить эти волны. Ведь бабочка-монарх весом в десять граммов как-то перелетает на тысячу километров без всяких спутников. А крачка год за годом на одном инстинкте пролетает расстояние от гнезда на Песцовой пустоши до своей излюбленной скалы к востоку от Кейптауна. Все это под силу существам с мозгом размером с орех, зернышко, пылинку – а человеку при всей массе его головы требуются 18 искусственных спутников, приемники, радар, карты, компас, антенны, 20 лет профессиональной подготовки и атмосфера, настолько забитая волнами, что она вот-вот станет непрозрачной.

Никто не мог доказать, что волны вредны для человека, но многие хотели в это верить, и одной веры оказалось достаточно – все прочее стало неважно. Ради защиты от волн развилась целая невиданная отрасль промышленности. Началась всеобщая паника: весь мир зара-

жен радиацией! Если кто-то заболел чем угодно, от лейкемии до простуды, во всем винили волны. Каждую неделю шли судебные процессы против популярных радио- и телекомпаний. Причины были самыми разными, но в итоге все сводилось к волновому загрязнению окружающей среды. «Надень шапку потолще! – напоминали детям мамы. – Она защитит от волн, а иначе у тебя волосы наэлектризуются и высосут всю энергию!» «Сынок, надень перчатки! Голые пальцы – как антенны, они притягивают волны». «В левый карман положи камень, а в правый – бутылку с водой. Так энергетические потоки придут в равновесие».

Если кто-то слишком часто звонил другому человеку по мобильному, то начинали просыпаться подозрения:

- Але, как дела?
- Нормально. Что-то случилось?
- Да нет, просто хотела поболтать.
- (Холодным тоном) Ага. (Про себя) Черт побери, она пытается меня убить.

Фанатики из радикальных общественных организаций каждый день взрывали передатчики и телевышки, но средства массовой информации старались замалчивать происходящее, чтобы не допустить эпидемии насилия. Эти новости распространялись только в печати, потому что продажи газет возрастали в прямой зависимости от количества взорванных телебашен.

Ученые качали головами, наблюдая за неразумными массами. Врачи считали, что нет оснований говорить о каком-то влиянии волн на человеческий организм, а серьезные исследователи не желали, чтобы их имена связывали с узкими интересами каких-то эксцентриков.

Тем временем в Рейкьявике, в старом ангаре возле аэропорта, собралась небольшая многонациональная группа из специалистов по орнитологии, молекулярной биологии, аэродинамике и биохимии. Они изучали волны. Они работали день и ночь, вскрывая и исследуя крачек, голубей, пчел, лососей и бабочек-монархов. Их подгоняла непоколебимая уверенность в том, что завесу тайны над природным компасом животных можно приоткрыть. Это предприятие называлось LoveStar, и его главу тоже всегда называли не иначе как Лавстар. Прозвище никак не пояснялось, и все уже бросили искать разумные объяснения, тем более что, по мнению большинства, сотрудники LoveStar были все с приветом. Когда журналисты пытались с ними поговорить и узнать об их работе, те вели себя как безумцы или аутисты. Они делали все, чтобы отбить у людей интерес к своим исследованиям. Возле их ангара были припаркованы только семейные универсалы девятилетней давности. Выбор объяснялся распоряжением Лавстара, в котором говорилось: «Девятилетние “Тойоты” практически невидимы».

В лаборатории LoveStar пытались понять, каким образом разворачивается на месте косяк рыбы, каждая рыбка в одну и ту же долю секунды, как единый организм, притом что до сих пор никому не удавалось засечь никакого сигнала, который распространился бы между ними так быстро. Или как все птицы в стае летят с совершенно одинаковой скоростью, как будто всем клином управляет один разум.

Теоретически задачу обычно можно решить, если заставить достаточно большое число людей думать над ней достаточно долгое время. Это не очень трудно. Первый человек расколет камень, следующий расколет получившиеся куски, и так далее, пока не дойдут до атома. Правда, тот, кто расщепит атом, уже потом не расскажет об этом.

В LoveStar придумали измерительные приборы, которые ловили настолько слабые сигналы, что это доходило до пределов, ранее считавшихся сверхъестественными. И в этом тоже была сила всего предприятия. Девизом экспериментального отдела были слова «Все материально». Есть явления, сложно устроенные, есть явления странные, есть непонятные, труднообъяснимые и даже фантастические, но сверхъестественных не бывает; возможно все что угодно. Сотрудников LoveStar вела вперед уверенность в том, что сигналы на птичьих волнах – не фантастика и ничего сказочного в них нет.

И в скором времени специалисты Лавстара напали на след. Они нашли способы передавать звук, изображение и сообщения между людьми при помощи волн на птичьей частоте – слабых и безопасных; устройства для их приема были не тяжелее, чем мозг бабочки.

В большинстве компаний маркетинговые отделы сразу попытались бы вывести предприятие на рынок, раздуть его успех и добиться доверия инвесторов поспешными заявлениями, но Лавстар пошел противоположным путем. Он сознательно вызывал сопротивление. В неофициальной истории компании, «Vogelmenschen, или Люди-птицы» Андреаса Фольмера, можно было прочесть следующий рассказ:

«Лавстар сам владел большей частью компании и поднимал тост с сотрудниками всякий раз, когда среди серых брокеров расходились слухи о том, что акции Lovestar – пустышка. Выступая с лекциями или давая интервью, его люди говорили непонятно, без малейшего намека на разумные мысли, не давали никаких оптимистических прогнозов. До публикации об открытиях компании журналистов пустили в рейкьявикский ангар всего один раз. Журналистка «Шпигеля» Елена Крюскемпер была в составе этой группы и описала свой визит в мемуарах: «Лавстар потребовал собрать группу журналистов из ведущих мировых изданий. Нас встретил он сам – высокий худой мужчина с колючим взглядом. Когда я подошла с ним поздороваться, я заметила, что он держит что-то в руках. Он извинился и сказал, что сейчас готовит обед. И тут мы увидели, как из его ладоней выглядывает птичка тупик. Он попытался свернуть птице шею, но тупик сопротивлялся и даже попытался клюнуть его в большой палец. “Вот как крепко в них сидит жизнь, – сказал Лавстар, оглядывая нас. – Иногда приходится по десять раз проворачивать”. Он положил бездыханного тупика на стол и протянул руку; она была грязная, потому что тупик в предсмертных судорогах обгадился. Кто-то хотел начать задавать вопросы, но Лавстар пожелал, чтобы мы сначала осмотрели его предприятие.

Он открыл дверь в главный зал и прошептал: “Только не спугните сотрудников”. Он провел нас в мрачное помещение, в котором стены были почти сплошь увешаны птичьими крыльями. Тут Лавстар внезапно засмутился, вроде бы нервничая, и зашептал сотрудникам: “Не волнуйтесь. Они только посмотреть”. Журналистка из “Нью-Йорк тайме” подошла к рыжеволосому мужчине, который лег животом на стол, пряча что-то своим телом. Она спросила, чем он занимается. “Он не понимает по-английски, – ответил за него Лавстар, – но зато Гудьюн – невероятно хорошо прирученный генетик. Он не дергается, даже если его гладить”. Лавстар погладил генетика по голове, и тот никак не отреагировал на это. Лавстар резко обернулся к нам и произнес со строгим выражением: “Но вы осторожнее, мои сотрудники не все такие ручные. Ничего не трогайте”. Женщина из “Тайме” с критическим видом подошла к соседнему столу. На нем лежало маленькое яйцо. Она собралась его взять, но Лавстар закричал: “Нет, это яйцо Ямагучи!” Журналистка удивленно на него обернулась, а Лавстар завопил еще громче: “Осторожно!” Не успели мы ничего понять, как через весь зал к нам подбежала невысокая девушка-японка и запрыгнула на стол. Она завопила и ткнула журналистку в голову карандашом. Сотрудники забеспокоились, но Лавстар прошипел им что-то непонятное на исландском. Журналистка выбежала в фойе и стала колотить руками и ногами в противопожарную дверь. Лавстар подскочил к ней, но она напоминала зверя, запертого в клетке. Он попытался ее успокоить, но она провела рукой по голове и показала ему окровавленный палец: “Кровь! Она уколола меня до крови! Вы за это заплатите!” “Ну что вы, – сказал Лавстар. – С журналистами ведь бывало и похуже”. Он открыл дверь, и она выбежала прочь, на серую безликую улицу. Мы тут же сбились в угол, но Лавстар был настроен все исправить. Он повернулся к нам и извинился: “Надеюсь, это происшествие не испортит впечатление от нашего предприятия. Есть ли вопросы?”»

(Vogelmenschen, с. 233–234)

Журналисты жестоко отомстили, но Лавстар этого и добивался. Кинозвезды встали грудью на защиту тупиков, инвесторы по всему миру отозвали средства, вложенные в исследование птиц и бабочек. Финансовые магнаты отказывались выделять деньги университетам, которые изучали птичьи волны, а имиджмейкеры советовали политикам не связываться с безумцами-птичниками. А Лавстар взял к себе на работу всех, кто теперь остался без исследовательских грантов.

Все шло по плану. Птичьи волны представляли собой гигантскую, непривычную, неведомую науке область знаний, и в конце концов эти знания развязали руки человечеству и окончательно отправили на свалку медные провода, оптические волокна, искусственные спутники и микроволновые передатчики. Всего за несколько лет открытия, которые совершили сотрудники Отдела птиц и бабочек компании LoveStar, изменили весь мир. Можно сказать, что применение птичьих волн стало новой ступенью развития человечества. Появился «человек беспроводной»: он чувствовал направление лучше, чем чайка-поморник, и был свободнее, чем бабочка-монарх.

Когда обанкротились предприятия, запускавшие коммерческие спутники, сразу стало очевидным и название компании. Это было в духе всей жизни Лавстара: причина и следствие не всегда шли друг за другом в правильном порядке. Лавстар нанял китайских космонавтов, чтобы те сцепили вместе несколько спутников и направили их сгореть в атмосфере над пиком Хрёйндранги в долине Экснадаль. Теперь название LoveStar стало понятным¹.

Именно Лавстар подарил нации гигантскую Статую Свободы – памятник борцу за независимость Йоуну Сигурдссону, который стоял над входом в порт, широко расставив ноги. Это была самая высокая Статуя Свободы в мире, а лицом она подозрительно напоминала самого Лавстара. Над ее возведением в течение четырех лет работали 5000 человек. В глазах ее горел «Вечный огонь свободы».

Именно Лавстар выстроил под горой Кейлир² мавзолей, в котором навечно упокоилось набальзамированное тело премьер-министра Давида Оддссона³.

– Эта черная пирамида среди голой лавы – самый подходящий памятник великому лидеру нации! – заявил Лавстар на открытии, перед тем как в мавзолей впустили первых туристов. Очевидно, это было еще до того, как реализовался проект LoveDeath.

Прошло сорок лет после освобождения человечества от уз проводов. Главный офис корпорации LoveStar уже давно переехал из ангара на задворках рейкьявикского аэропорта. Теперь он помещался в недрах гор вокруг долины Экснадаль, в которой раскинулся парк развлечений LoveStar.

Многие хотели помешать Лавстару когда он решил купить долину. Памятуя о Статуе Свободы и мавзолее под горой, реакционные деятели культуры поспешили подать петицию о том, чтобы долину объявили заповедником.

¹ Эта сцена воспроизводит начало хрестоматийного стихотворения «Конец пути» Йоунаса Хатльгримссона (18071845), национального поэта Исландии: «Звезду любви над пиком Хрёйндранги укрыли ночные облака». Долина Экснадаль – это родные места поэта и место действия стихотворения. (*Здесь и далее прим. пер.*)

² Гора к юго-западу от Рейкьявика, хорошо видная из некоторых районов города. Ее название означает «конус» и дано ей из-за ее формы.

³ Консервативный политик Давид Оддссон был премьер-министром страны, когда создавалась эта книга. На момент публикации перевода он давно в отставке, но жив и здоров.

«Я не поверил своим ушам, когда услышал о планах Лавстара устроить гигантский парк развлечений в долине, где родился наш национальный поэт. Хотя у Лавстара, похоже, бездонные карманы, мне, честно говоря, сначала показалось, что это розыгрыш. Невозможно представить себе, что там натворят всего за пару лет. Построят двадцатипятиэтажную гостиницу в исландском народном стиле из стекла и бетона с крышей из натурального дерна и неоновой подсветкой, казино а-ля романтизм с пластиковыми сердечками вместо фишек и вде-лают золотое джакузи в вершину Хрёйндранги. Горные ручейки пустят по водяным желобам, чтобы можно было с визгом слетать по крутым склонам гор в купальнике и плюхаться в озеро в долине. Огромные тепловые пушки на вершинах гор будут включать южный ветерок⁴ ежедневно по расписанию в 10, 16 и 20 часов, и одновременно 1000 девиц в национальных костюмах будут раздеваться и гримасничать перед мускулистыми пастухами под блеяние овец, мычание коров и пение ржанок. Поэт и его творчество, конечно же, забудутся под всей этой шелухой...»

(Из письма читателя А. С. М. в «Утреннюю газету»)

Однако на самом деле критики ошибались. В парке развлечений корпорации LoveStar не было пластиковых овец и искусственных цветов, не было казино и эротики. В нем не завели роботов, готовых расчесывать вам волосы за сотню крон, не было шума, пустой болтовни, клише и дешевых удовольствий. В горы не встроили систему подогрева, которая устраивала бы оттепель посреди зимы, чтобы на фоне тающего снега певица пела про южный ветерок в обработке кантри. В парке не росла гормонально обогащенная трава, не бродили ряженные молодцы в накладных бородах, изображавшие сельских жителей. Этот парк не нуждался в шелухе, потому что он был выстроен вокруг чистого *смысла*.

Хотя поэта действительно в конце концов забыли, и он потерялся на фоне парка, виной тому была не развлекательная шумиха: он поблек по сравнению с богатством смыслов. В парк Лавстара людей притягивала не только любовь, но и смерть, потому что без смерти любовь – всего лишь пластмасса. Без смерти что Ромео с Джульеттой, что Тристан с Изольдой превращаются в пластиковую мелодраму.

На поверхности пейзаж долины был в точности такой же, как и последнюю тысячу лет. Чирикали ржанки, тывкал песок, каркал ворон, пастух сгонял овец. Из домика с дерновой крышей поднимался дымок, а его бородатый хозяин, когда был в хорошем настроении, бормотал потешные четверостишия в народном стиле. Он был самый настоящий фермер и жил на этом хуторе вместе с женой, детьми и скотом. В его доме не было ни одной вещи из пластика, даже электричества не было. Снаружи долина Экснадаль оставалась такой же, как и многие века назад, но поверхность была лишь тонкой оболочкой, под которой таился совершенно иной мир, и иногда хуторянам неожиданно открывался вход в него. Иногда разъезжалась скальная стена и в проеме было видно женщину в синих одеждах, которая вывешивала на просушку белые простыни. Порой молодой пастушок уходил в недра холма и там имел свидание с экскурсоводшей; порой из-под земляной насыпи шел пар, как будто под ней бурлил горячий источник: наверно, под ней как раз находилась кухня, и в это время повар готовил суп из омаров. Долина была лишь внешней оболочкой, и ее жители, как и во все века, размышляли о том, что же кроется там, за горными пиками, которые вонзались в небо, словно клыки злого волка.

⁴ Аллюзия на знаменитый сонет Йоунаса Хатльгримссона «Приветствие», в первой строфе которого упоминается южный ветер, а в последней – девушка, одетая в исландский национальный костюм (очевидно, возлюбленная поэта). Описанная здесь картина производит на исландских читателей такой же эффект, как на отечественных – коммерческий проект по мотивам лирики Пушкина.

Если бы молодой пастушок послушался отца и поднялся бы по каменистому откосу на задворках хутора, прошел бы поросшие одуванчиками склоны⁵ и покрытые цветами распадки, одолел отвесные обрывы, осыпи и нагромождения камней и наконец улегся бы на гребне горы и посмотрел на мир по ту сторону, то он бы никогда уже не смог забыть увиденного.

Вместо второго склона вниз вертикально уходила блестящая стеклянная стена высотой 700 метров, как будто кто-то отрубил половину горы вдоль всего ее хребта. Внизу в долине рядами стояли туристические автобусы, и десятки тысяч людей тянулись, словно муравьи, к гигантскому главному входу в парк. Громада из полированного камня и стекла возносилась на высоту 680 метров. Под сводами фойе, вмещавшего 100 тысяч человек, иногда образовывались облака. Птицы-глупыши залетали внутрь через вентиляцию и беззвучно парили в них, как будто белые ангелы. Весь склон, по которому поднимался наш пастушок, от реки Тверау до самой вершины Хрёйндранги, представлял собой тонкую, поросшую вереском скорлупу, под которой скрывался величайший лабиринт, построенный руками человека: залы сменялись залами, своды сменялись сводами, комнаты комнатами, но об ощущении замкнутого пространства речи не было – такой великолепный вид открывался оттуда на нетронутую, романтическую долину Экснадаль. Напротив, сквозь стеклянную стену виднелась долина Хёргардаль, где проплывали черные дирижабли. Обычно над ближайшим ледником зависали три-четыре воздушных судна размером с пароход, с которых спускали морозильные контейнеры с яркой надписью «LoveDeath» (и иногда с маркировкой компании Maersk), чтобы поместить их в холодные склады, а из-под ледника вереницами выезжали грузовики и брали курс к вершинам двух соседних гор, где на фоне неба четко выступали ровные площадки космодромов компании LoveDeath. Через равные промежутки на них вспыхивало ослепительное пламя, и в небо устремлялись ракеты, сияя, словно метеоры. Они оставляли за собой дымный след, отражавшийся в стеклянной стене. На стекле красовалась огромная звезда, и золотыми буквами было написано: «LoveStar».

В нетронутую долину Экснадаль не мог заходить никто, кроме обитателей заповедного хутора и самого Лавстара. Его можно было иногда там увидеть в погожие дни: он гулял в белом костюме, шляпе и с коричневой тростью. Обычно за ним бежал черный пес. Пес был старый; Лавстар заводил его уже пять раз. Когда Лавстар прогуливался по долине, охраняемые законом жители заповедного хутора притворялись, что не замечают его, но дети, глядя, как он уходит в расступившуюся скалу, думали, что это, наверное, Бог.

Когда началась наша история, Лавстар сидел на борту своего личного самолета и летел на север, в Экснадаль. На ладони он держал семечко. Расчетное время прибытия было через четыре часа пятнадцать минут. Жить ему оставалось четыре часа пятнадцать минут.

⁵ Реминисценция из стихотворения Йоунаса Хатльгримссона «Dalvísa» («Стихи о долине»), посвященного родной долине.

Современный беспроводной человек

Индриди Харальдссон был современный беспроводной человек. Современные люди старались избегать кабелей и проводов, даже слов таких не знали. Провода теперь назывались оковами, старая техника – хламом, тяжестями или бременем. Глядя на этот хлам и тяжести со стороны, люди ощущали себя счастливыми. Говорили, что в старые времена все были рабами проводов, прикованными к рабочим столам, вдали от солнечного света и пения птиц. Но то время минуло. Теперь, когда люди в деловых костюмах разговаривали на улице сами с собой, перечисляя какие-то цифры, никто уже не принимал их за сумасшедших: всем было ясно, что, скорее всего, они обсуждают сделку с удаленным клиентом. Человек, который сидел, погрузившись в себя, на берегу реки, как будто занимаясь йогой, на самом деле мог быть инженером и проектировать мост. Когда женщина, принимавшая солнечные ванны, вдруг ни с того ни с сего заявляла, что хочет купить квоту на вылов двух тонн сайды, окружающие не обращали на это внимания, а когда в автобусе подросток вдруг начинал мычать что-то странное и качать головой туда-сюда, то все понимали, что он не страдает аутизмом в тяжелой стадии, а просто слушает радио с невидимого глазу устройства. А если у кого-то в неподходящем месте вдруг учащалось дыхание и начиналась эрекция, то, значит, его зрительный нерв в это время был подключен к какой-то похабщине или он общался по телефонной линии для взрослых. Не было предела грязи, которая изливалась из эфира в мозги некоторым людям, – но, конечно, запрещать им заполнять свой мозг непотребством, насилием и всякими гадостями было нельзя. С тем же успехом можно было бы вообще запретить думать.

Если кто-то останавливался рядом и спрашивал: «Который час?», а вы сразу отвечали: «Полдесятого», то он мог вам сказать: «Спасибо, но я не вас спрашивал», – хотя вокруг больше никого не было.

И если незнакомец рядом с вами начинал разговор, отвечать, как правило, смысла не было. Вы бы только помешали.

Индриди Харальдссон был современный беспроводной человек, и поэтому простой наблюдатель ни за что не смог бы понять, сошел Индриди с ума или нет. Когда он говорил сам с собой на улице, у него вполне мог быть собеседник на другом конце линии. Когда он без конца улыбался, причина могла быть та же самая – или он слушал юмористическую радиостанцию, или ему на контактную линзу скинули забавную картинку или анекдот. Установить, что творится у него в голове, было невозможно – но это совсем не значит, что там крутилось нечто ненормальное. Если он бежал по улице с криком: «Скоро конец света! Скоро конец света!», – то большинство прохожих думали, что он участвует в каком-то конкурсе на радио, где можно выиграть бесплатный купон на гамбургеры. Когда он семь раз проехался голым вверх и вниз по эскалатору в центральном торговом комплексе «Кринглан», все подумали то же самое: наверное, тем, кто проедет по эскалатору голым семь раз, выдают призы. Было трудно сказать, ради чего он так старается, ведь он был голый, и угадывать, к какой целевой группе он принадлежит, можно было только по прическе, возрасту и телосложению. Индриди был худой, бледный, волосы по телу у него росли редко и были темные, а на голове – светлые, непослушные и нечесанные: очевидно, он не относился к целевой аудитории той энергичной радиостанции, которая рекламировала фитнес, спортивные машины, краски для волос и солярии. У него не было ни татуировок, ни пирсинга (ни в губе, ни в брови, ни на лбу, ни в крайней плоти), а следовательно, он не входил и в целевую аудиторию станции, которая на всех плевала, ставила в эфир ремастированную классику панка и рока, а рекламировала живое пиво, натуральный самогон и сигареты без фильтра. А раз Индриди был голый и непричесанный, то к самым уважаемым целевым группам он вообще не мог относиться. Быть может, он художник и это его

перформанс. Художники ведь все время выступают со всякими перформансами. Может, за кунштюк с эскалатором дают три зачетных балла на курсе перформанса в Художественном институте. Но, конечно, он мог входить и в какую-то узкую, малочисленную целевую группу. Таких насчитывалось немало, но в целом людей старались подталкивать в более крупные сегменты, в рамках которых держать с ними контакт было экономически выгоднее.

Если Индриди вдруг рявкал кому-то в ухо: «Попробуйте наш мальт⁶!» – десять секунд подряд, не глядя ему в глаза и поворачивая к нему только голову, то в этом тоже не было ничего странного. Причина такого поведения была очень простая: на него только что переслали рекламу, завязанную прямо на речевые центры мозга. «Попробуйте наше пиививо!» Это значило, что сейчас Индриди – *рекламный внешне управляемый носитель*, или, как обычно говорили, *ревуни*. Вероятно, у него совсем не водилось денег, так что он не попадал ни в какую целевую группу, и поэтому отправлять ему персональную рекламу было невыгодно. Зато теперь можно было отправлять рекламу через него другим людям, подавая ее сразу в речевой центр и тем самым используя Индриди как своего рода колонку. Те, кто проходил рядом с ревунами, могли рассчитывать на персональное сообщение, например: «Попробуйте наш мальт!»

Этот способ был действеннее, чем обычная реклама на щитах или в эфире. Поэтому, например, проходя рядом с машиной, отъезжавшей с парковки, Индриди мог заорать: «Пристегнись! И не гони!»

Значит, водителя уже штрафовали за непристегнутый ремень и за превышение. В качестве взыскания ему присудили оплатить из своего кармана и прослушать через ревунов 2000 профилактических напоминаний. И это было, пожалуй, лучшее в новой технологии. Ее можно было использовать на благо общества.

«Возлюби ближнего своего!» – завывал какой-то неприятного вида мужчина каждые полчаса. Похоже, убийца на перевоспитании, – догадался Индриди и обошел его стороной. Осужденных выпускали досрочно, если они соглашались стать ревунами для благотворительных или религиозных организаций.

Не все ревуны были нищими. Многие подписывались ради скидок или бонусов, а некоторые становились ревунами на первые три месяца в году, чтобы оплатить новую версию беспроводной операционной системы. Если не обновлять систему, то начинались проблемы с платежами и общением. Умная бытовая техника и автоматические двери понимали только новейшую версию. Это же касалось и автомобилей последних моделей: если улицу переходил человек, оборудованный старой версией, то они уже не реагировали и не замедлялись автоматически. Таким беднякам приходилось перебегать улицу на свой страх и риск.

Если Индриди проходил мимо групп подростков, он кричал им:

– Четкие кроссы! Ты ваше молодец, такие четкие кроссы купил!

Новая революционная стратегия заключалась в том, чтобы убедить сделать покупку и затем хвалить за это. Считалось, что это подкрепляет нужное поведение и быстрее вводит товары в моду.

Иногда рекламные объявления были загадочны: всего одно слово, лозунг или фраза без всякого контекста. Такие слоганы были частью более длительной кампании, так называемой «стратегии разжигания интереса», чтобы аудитория хорошенько поломала голову. Например, идя по улице Лёйгавегюр⁷, вы вдруг слышите от пожилой дамы:

– Плавность!

Дальше подросток говорит вам:

– Стиль!

⁶ Мальт – исландский безалкогольный напиток, который делают из солода с добавлением сахара и лакрицы.

⁷ Улица в центре Рейкьявика, на которой расположено большое количество дорогих магазинов и увеселительных заведений.

Вы разворачиваетесь и идете по Квервисгате, а из цокольного окна доносится шепот:
– Надежность!

И наконец, вы сворачиваете на Клаппарстиг – и тут вам навстречу несется велосипедист с криком:

– Фооооорд! Форд!

Эти приемы всегда достигали своей цели, и бежать от них было бесполезно. Расположение ревунов рассчитывалось с точностью до полусантиметра, а текст рекламы идеально соответствовал целевой группе слушателя, вплоть до мельчайших нюансов. Система была эффективна, проста и удобна. Даже частные лица могли недорого заказать ревуна, если нужно было о чем-то напомнить:

– У вас встреча с министром в три часа, и еще не забудьте про годовщину свадьбы!

Тем, кто только что переехал в столицу, нравилось нанимать одного-двух ревунов, чтобы те приветствовали их на улице или заводили разговор:

– Здравствуй, Гвюдмюндюр, чудесная погода нынче! – И вот уже большой город становится уютнее.

Бывшие сельские жители, привыкшие вставать с петухами, могли оплатить услугу, чтобы в шесть утра им кукарекал сосед, – если им везло поселиться рядом с ревуном:

– Кукареку! Пора вставать!

Многие деловые люди считали, что важно с утра получить заряд бодрости:

– Ты лучший! – говорила уборщица в подъезде.

– Тебя ничто не остановит, Бьярки! – провозглашал хитрец управдом.

– Отлично выглядишь! – говорил таксист. – Сегодня время побеждать!

Прохожие привыкли ожидать чего угодно – ведь вокруг все свободные люди, – и поэтому никто не обратил внимания, когда однажды Индриди сел в кафе и заплакал. Он сидел в углу и рыдал в голос, но мало кому пришло в голову спросить его, что случилось. Наверное, в его целевой группе началась неделя греческой трагедии. Такой вывод был проще всего. Но еще Индриди мог оказаться *рекламной ловушкой* – говоря проще, *ревушкой*:

– Почему вы плачете?

– Мне так хочется новую «Хонду», это такая классная машина, а на этой неделе на нее еще и замечательное предложение!

Ревушки заходили дальше, чем обычные ревуны: они сдавали в аренду не только свои речевые центры, но и все базовые телесные и психические рефлексy. Честно говоря, этот метод нуждался в доработке, так что иногда ревушки не переставали хохотать и плакать дни напролет. Конечно, никого не делали ревушкой насильно – ведь они обязаны были прилюдно смеяться, рыдать или, скажем, обмочиться прямо на улице и заявить проходящей мимо женщине с плачущим ребенком:

– Когда нельзя обойтись без стопроцентно впитывающих подгузников «Памперс»!

Несмотря на это, многие записывались в ревушки добровольно, ведь за аренду эмоциональных центров платили в десять раз больше, чем просто за речевые. А реклама, которую передавали ревушки, была занятнее, особенно если задавали делать что-нибудь странное: обмочиться или зареветь, как младенец.

Когда возник человек беспроводной, все время на связи, все время в линзах и сверхкомпактных наушниках, большинство границ рухнуло. Например, теперь невозможно было понять, до каких пределов доходит могущество компаний. Если Индриди встречал на улице одноклассника, то никогда нельзя было заранее догадаться, не собирается ли тот его «обслужить». После короткой беседы (которая, впрочем, если подумать, и начиналась со слов «Привет, Индриди, чем могу помочь?») все обычно сводилось к одному:

– Что-то тучи собираются, я лучше пойду.

– Да ну, мне нормально, у меня с собой крутейший зонт! Хочешь такой же?

– Нет, спасибо. Тут, похоже, целая гроза собирается, вдруг еще ударит молнией.

– Да ну, а я не боюсь, у меня замечательная страховка в LoveLife. А зонтик мне дали в подарок, когда я купил в LoveLife отличный страховой полис.

Так и выяснялось, что его старый школьный товарищ на самом деле был *бессимптомным рекламным носителем*. Он заводил разговор только затем, чтобы продать зонтик или страховку. Можно было говорить о чем угодно; рекламное предложение работало как магнит, черная дыра или слив в раковине, так что любая беседа без исключения была обречена рухнуть в эту дыру.

Семья:

– Как дела у твоей мамы?

– Бодренко, у нее такая шикарная страховка от LoveLife...

Искусство:

– Что ты думаешь о стихах Йоунаса Хатльгримссона?

– Как страховали жизнь и здоровье в XIX веке? Ведь компании LoveLife еще не было...⁸

Спорт:

– Вчера хороший был матч.

– Да, но бедняга Феликс порвал кресты. Он разве не застрахован? Я посмотрю, есть ли он на LoveLife; ты же там есть, правда?

Распознать бессимптомного рекламщика – или *беса* – было непросто. Сложно было понять, кому можно доверять. Бесом мог оказаться кто угодно, даже близкий друг. В отличие от ревунов и ревушек, бессимптомные носители произносили рекламный текст по собственному желанию. Хороший бес не выдавал себя и регулярно менял предлагаемые товары. Некоторые ничего прямо не продавали, а только информировали о предложениях и создавали настроение:

– Рекомендую тебе этот фильм, просто фантастически здорово. Заказать тебе билеты?

Иногда бессимптомные рекламщики попутно работали *информаторами*. Они отправляли отчеты в iStar (Департамент имиджа и информации при Отделе настроения компании LoveStar). В офисе iStar работало всего несколько человек; остальные были современные беспроводные люди и ездили по всему миру, подгружая информацию из базы данных на Шпицбергене.

Департамент iStar без проблем собирал общие данные о культурном потреблении, аудитории теле- и радиопередач, расходах на еду, предпочтениях в музыке, ежедневных передвижениях, основных интересах и взглядах населения, но ему требовалось уточнять детали. Бесы и информаторы переводили разговоры на темы, нужные компании, а специалисты iStar подслушивали их. Разговор в кругу друзей о любви, смерти, Боге или дружбе внезапно сворачивал в сторону, потому что информатор спрашивал ни с того ни с сего: «Тебе нравится галстук того политика? А его взгляды? Они тебе близки? Помнишь, сколько мирных граждан погибло восемь лет назад? А помнишь, где? Тебе было бы проще смириться с ростом потерь среди мирного населения, если бы ты чаще слушал поп-новости? У любимого руководителя есть милая кошечка по кличке Молли. Теперь он тебе больше нравится? А как насчет инвалидов? Тебе не кажется, что они забавные? Ты готов жить скромнее, чтобы о них лучше заботились? А что ты на самом деле думаешь насчет Мадонны?»

В тот день Индриди шел домой, и никто не обращался к нему бодрым тоном: «Добрый день, Индриди! Отлично выглядите сегодня!» – ведь у него не было денег на такую роскошь. Проходя по кварталу Ровабайр, он вдруг запел «Майскую звезду» на стихи Лакснесса. В этот момент песню подхватили все ревуны в городе: это была часть информационной стратегии перед общенациональной песенной кампанией, которая начиналась на следующей неделе.

⁸ Йоунас Хатльгримссон умер, сломав ногу после падения с лестницы. Забавно, что существует настоящий исландский рекламный ролик, где Йоунас приходит в страховую компанию застраховаться от несчастного случая.

Песня раздавалась по всему городу, и было трудно понять, кто поет по собственному желанию, а кто нет. Ведь быть ревуном считалось непрестижным, и поэтому многие притворялись, что поют по своей воле, изображая удовольствие. В глазах прохожих Индриди превратился в жизнерадостную рекламу: в их линзах отображалось, как у него из головы выливаются потоком ноты, а в воздухе за ним весело реет:

– Пойте и радуйтесь! Общенациональная неделя песни начинается в понедельник!

Когда пение кончилось, Индриди чуть не плакал. У него только-только наметилась какая-то очень важная мысль, но тут началась песня, и он потерял нить рассуждения. Вся жизнь катилась псу под хвост, все перевернулось вверх дном: всего лишь несколько недель тому назад жизнь его была сладкой, как клубника, а любовь – золотой, словно мед; а теперь он уже не был уверен, что любовь ждет его дома.

Индриди не привык плакать

Индриди не привык плакать. Сказать по правде, у него никогда не было причин для слез. Жизнь его протекала гладко, почти совсем без забот, с тех самых пор, как он родился заново. Все считали, что Индриди – хороший мальчик. Кроме этого, о нем, пожалуй, нечего было сказать. «Индриди – нормальный парень», – говорили знакомые.

Индриди был хорошим, прилежным и сообразительным ребенком, он рос в прекрасной семье в изящно обставленном доме на окраине столицы. Ему повезло: своей жизнью он был обязан тому, что родился в эпоху этической неопределенности. Когда он появился на свет, родителям разрешалось, в частности, оставлять на хранение по две замороженные пробирки с запасными копиями эмбрионов каждого своего ребенка. Те, кто потерял ребенка, могли «оживить» его, родив заново «того же самого», и для этого существовали особые «врачи», которые предпринимали «меры по спасению» (пересаживали копию эмбриона китайским суррогатным матерям за границей, а потом на восьмом месяце перевозили их в нашу страну). 97 % родителей, потерявших ребенка, полностью преодолевали свое горе в течение двух лет, если прибегали к запасному экземпляру, – а вот те, кто заводил *нового*, продолжали горевать долгие годы или даже всю жизнь. Те, кто пользовался запасными копиями, официально не теряли ребенка: считалось, что он «чудом выжил», но по этой причине его дальнейшая жизнь откладывалась. Эксперименты показали, что в долгосрочной перспективе последствия выглядели как у родственников человека, утратившего память. На практике возрожденные просто не помнили о нескольких годах «предыдущей жизни» и выросли на несколько лет позже. Но возрождением, как и любой новой технологией, конечно, злоупотребляли; как семьи, так и компании старались истолковывать правила шире. У некоторых родителей не возникало любви к запасной копии, да и родители Индриди, несомненно, вложили бы в него больше сил в первый раз, если бы его запасная копия не лежала в страховом агентстве.

Индриди не всегда был хорошим мальчиком. Нынешний Индриди являлся запасной копией самого себя, родившегося на пять лет раньше. Конечно, он не помнил этих лет, но родные показывали ему фотографии и видео, и иногда ему казалось, будто он что-то припоминает. Когда он родился в прошлый раз, то скоро стал самым кошмарным ребенком, какого только можно представить. Он не просто не слушался, но огрызался и ругался с первых своих слов. Его первое слово на домашней видеозаписи было «сука». Индриди все время врал, был агрессивен, легко поддавался дурному влиянию и вдобавок не терпел никаких возражений и, чуть что, закатывал истерику. Ему поставили диагноз: полностью аморален, эгоистичен, лишен эмпатии. Он оказался неспособен «сопереживать субъектам эмоций в своем окружении», как было записано в отчете консультанта страховой компании после планового визита, когда Индриди было четыре года. Мать стала пить и не занималась мальчиком, а отец работал от зари до зари на отгрузке в LoveDeath. Когда он возвращался домой, от него чаще всего «пахло деньгами» и он хотел «пообниматься», и тогда мама Индриди опрокидывала парочку двойных порций, чтобы притупить обоняние. Кроме того, у них не было никакого опыта воспитания детей. Когда ребенку исполнилось пять, страховая компания провела проверку и оценила их родительство как совершенно неудовлетворительное. Специалист из компании наложил результаты оценки на компьютерную модель и спроецировал на стену у себя за спиной:

– Как вы видите, нужно будет немалое статистическое чудо, чтобы спасти эту личность от дурной компании, пьянства, курения, вандализма и наркотиков, и никто не удивится, если он с раннего возраста пойдет по преступной дорожке. Он у вас ничего не крад?

Родители задумались.

– Он часто берет печенье без разрешения, – сказала мама.

– А однажды он тайком взял в магазине игрушек плюшевого кенгуру, и сработала сигнализация, – добавил папа. – Правда, это было полтора года назад.

Консультант по раннему развитию продолжил:

– Все показатели свидетельствуют, что дальше он покатится по наклонной. Вы все видите сами, в трехмерной графике.

– Ничего так графика, – заметил папа.

– Новая, – довольным тоном ответил консультант. Он нажал какую-то клавишу, и один из столбиков диаграммы зашевелился, отрастил руки и ноги и заплясал по экрану, а потом схватил соседнюю круговую диаграмму и запустил ею, как тортом, в лицо испуганной параболы.

Мама и папа засмеялись:

– Забавно!

– Эта большая страшная диаграмма – ваш мальчик, – суровым голосом пояснил консультант, и смех оборвался.

– Понятно, – сказал папа. Целевая группа, к которой он относился, не отличалась математическим складом мышления, и поэтому, чтобы до него дошло, диаграммы должны были быть живые и забавные. – Да, теперь все понятно, – повторил он, чтобы звучало убедительнее.

– Что же нам делать? – спросила мама.

– Вы, должно быть, понимаете, что мы не можем застраховать такого индивида: взносы окажутся больше ваших годовых зарплат вместе взятых. Я говорю о страховке от ущерба, который он с огромной вероятностью станет наносить другим. Что касается его самого, то за понесенный им ущерб он будет на сто процентов отвечать сам и медицинской страховки тоже не получит.

– Накладно получается, – ответил папа, который как раз недавно прослушал рекламу. Курс наркореконструкции для подростка без страховки приближался к цене городского дома.

– А он точно вырастет таким плохим? – спросила мама.

– Примеров такого развития у меня хватит на целый день. Практически у всех заключенных тюрьмы «Хрейн» показатели в пятилетнем возрасте были и то лучше, чем у вашего мальчика.

– Но мы им займемся, – сказал папа. – Возьмем наконец отпуск летом, и потом я перейду в iStar и закончу с LoveDeath. Мы все разрулим. Можно будет исправить нам оценку в этот раз и потом прийти, когда ему исполнится шесть лет?

– Как видите, еще ни одному ребенку с такими показателями не удалось вырасти полноценным взрослым. К шести годам он, вероятно, уже успеет причинить чудовищный, непоправимый ущерб.

В иные времена этот вывод звучал бы как окончательный статистический смертный приговор для Индриди, ведь результаты обследований действительно не ввали. Они были основаны на строжайших измерениях, психиатрических метриках личности и астрологических таблицах. Но Индриди несказанно повезло родиться в эпоху неопределенности, когда никто уже не понимал в точности, что такое отдельная личность. Индивид сам определяет, что такое индивид, – провозгласили индивидуалисты, и на этом вопрос был закрыт. За этически верное для своего времени определение брали то, которое было самым популярным на момент покупки комплексной страховки. И теперь компания предлагала родителям Индриди единственный возможный способ извлечь урок из своего опыта и «перемотать ребенка на начало», как выразился консультант.

– Мы можем предложить вам перемотку на пять лет назад, и тогда вы сможете начать сначала и спасти эту личность от пожизненного страдания. Разве не лучше сразу отмотать назад и обеспечить ему 100 лет счастья, вместо того чтобы мириться с 95 годами несчастий? На практике он получает еще дополнительные пять лет жизни. Вы бы разве отказались получить еще пять лет жизни, если бы вам предложили?

Мама Индриди немножко сомневалась, но большинство ее подруг твердили ей то же самое. Она уже сбилась со счета, сколько пожилых дам, услышав, как выражается Индриди, неодобрительно замечали: «Почему этого ребенка до сих пор не перемотали и не научили вести себя как следует?»

– А других вариантов нет? – спросила она. – Мы хотели бы, если возможно, закончить с воспитанием до того, как нам будет пятьдесят. Мы уже начали вносить плату за юбилейный кругосветный круиз.

Эксперт со значительным видом подался вперед:

– В мире люди подают в суд на страховые компании из-за того, что кто-то вовремя не воспользовался этой возможностью. В Англии мужчину посадили в тюрьму за то, что его сын убил старушку. Следствие выяснило, что ему много раз предлагали перемотать мальчика, но он упрямился. Так что это целиком и полностью его вина.

– А когда можно будет его «перемотать»? – спросил папа.

– Официально, согласно тому определению личности, которое вы выбрали, и с учетом запасных экземпляров, которые вы отложили у нас, ваш мальчик сможет начать новую жизнь уже в конце октября. Через десять месяцев. Конечно, выплаты по вашим страховым случаям после этого уменьшатся ввиду стоимости предстоящей процедуры.

На стене, где до того кривлялась диаграмма, вдруг замигала надпись:

10 000 крон в год! 10 000 крон в год!

+ скидка 15 % на автострахование!

Только ближайшие пять минут!

Выбирай скорее!

Мама и папа взглянули друг на друга; часы на стене начали отсчет. Сама идея «перемотки» отлично подходила современным беспроводным людям, и они с детства привыкли мыслить таким образом. Это как отформатировать жесткий диск, как играть в компьютерную игру с тремя жизнями: если все пойдет не так, то всегда можно начать сначала.

– Значит, уже осенью, – сказал папа и взглянул сквозь стеклянную стену на Индриди, который отгрызал голову кукле Барби.

– Но тогда у него будет другой день рождения, так ведь? – спросила мама. – У него день рождения в феврале. Ему не будет слишком трудно привыкнуть к этой перемене?

Консультант продемонстрировал им, насколько лучше сложится жизнь Индриди под другим знаком зодиака. Его недостатки, обусловленные знаком Водолея, превратятся в неоспоримые достоинства, родись он Скорпионом. Агрессивность, которая сейчас то и дело прорывается наружу, когда ему хочется сорвать на ком-то скрытый гнев и подавленные эмоции, превратится в решительность и стойкость. Следовательно, под новым созвездием, которое лучше соответствует его наследственности, мальчик вырастет не резким, нетерпеливым и раздражительным, а чувствительным и прилежным.

– Он характером в отца, но в вашей семье это не недостаток, если только знак зодиака не вступит в конфликт с генетикой. В его случае это как раз подлило масла в...

– Огонь? – задумчиво спросил папа.

– Огонь! – закричала мама. Индриди стоял посреди комнаты за стеклянной стеной, и его кукла полыхала пламенем.

– Где он там нашел огонь? – Папа затоптал остатки куклы; горелый пластик прилипал к подошвам.

– Кому говорят, Индриди! – крикнула мама и стала гоняться за ним по комнате. – Что я сказала, Индриди! Немедленно иди сюда!

– Значит, уже осенью? – спросил консультант и посмотрел на часы. Он встал из-за стола и попал под луч проектора, так что теперь «10 000 крон» мерцало у него на лбу. На счетчике оставалось 29 секунд.

– Значит, осенью! – заорал папа и погнался за Индриди по коридору.

Дождаться осени оказалось тяжело. Особенно трудно давались выходные, когда Индриди не отводили в детский сад. Но вот наконец пришел день «перемотки». Консультант встретил их с улыбкой. Индриди был тщательно причесан и одет в праздничный костюмчик и синий галстук.

– Куда мне идти, мама? – спросил он.

– Вот в эти двери, – ответила она и показала на черные двери. – А потом ты к нам выйдешь через вот те, белые, у тебя будет день рождения и мы тебе подарим подарок.

– Здорово! – ответил Индриди. – Спасибо, мамочка. – Он поцеловал маму в щеку, и консультант увел его в черные двери.

Не успела мама вымолвить и слова, как сзади раздалось радостное пение. Из белых дверей вышли консультант и медсестра, державшая Индриди. Его личико было красное и сморщенное, а все тельце покрыто белым младенческим жирком. Он громко плакал.

– Целых семнадцать марок⁹! – произнесла медсестра, благостно улыбаясь. – Поздравляю! Надеюсь, в этот раз ему больше повезет.

– Ой, какой он малюсенький, – сказала мама и прослезилась.

Она взяла младенца на руки, дала ему бутылочку с молоком, и Индриди сразу перестал плакать.

– Вот одежда, – сказал консультант и протянул им сложенный костюмчик.

– А где синий галстук? – спросил папа и оглянулся, но консультант притворился, что не услышал.

– Образцовый мальчик! А до одежды он быстро снова дорастет.

Как и следовало ожидать, в этот раз воспитание Индриди пошло намного лучше. Мама начала лечиться от запоев, а папа стал менеджером по работе с клиентами в iStar, так что от него больше не несло деньгами.

Об Индриди заботились, уделяли ему много внимания, хвалили, когда он был послушным и добрым. Ему показывали видео, какой он был раньше невоспитанный и вредный, и рассказывали, что будет, если он не извлечет из этого урок.

– Вот таким ты был в свои прошлые четыре года, – говорили родители, показывая ему запись, где он колотил своего приятеля по голове пластиковым мечом. – В этот раз води себя хорошо!

– А иначе, – добавлял папа, – придется снова все начать сначала. Но мы своего добьемся, даже если уйдет лет двадцать, чтобы ты к 10 годам стал хорошим мальчиком!

Индриди твердо решил, что должен справиться; ничто так не пугало его, как третья пробирка, в темноте морозильной камеры ожидающая своего часа, чтобы занять его место. Он никогда не ощущал себя в полной безопасности, ему казалось, что у него все выходит недостаточно хорошо, и он все время хотел сделать еще лучше (сказывался знак Скорпиона). Индриди жил в вечном соперничестве с самим собой номер 3, который мог с легкостью побить все его достижения. Родители были для него твердой опорой и давали ровно столько любви и тепла, сколько нужно детям согласно проведенным исследованиям. Папа гордился своим сыном, но никогда не был им полностью доволен – и тем самым поддерживал конкуренцию с номером 3.

⁹ Исландцы по традиции называют вес новорожденных в «марках» – старинной мере веса для серебра. Марка равна почти точно ¼ килограмма: 17 марок = 4,25 кг.

– Ну, надо же, – бурчал иногда папа, зарывшись в «Утреннюю газету». – Если бы ты родился сегодня, мы бы могли применить эти новые педагогические теории. Только посмотри! Они повышают скорость чтения на 30 %, улучшают эмоциональное развитие на 9 %, а концентрацию на 18 %. И посмотри, какая сейчас интересная программа во втором классе! Дети заняты в школе до семи вечера.

Он продолжал читать, бормоча себе под нос, а Индриди терял аппетит и уходил прямоком в свою комнату. Через несколько недель его скорость чтения оказывалась выше на 30 %, а концентрация – на 18 %.

Индриди с нетерпением ждал только одного: когда ему исполнится восемнадцать, потому что по достижении этого возраста начинать жить заново было нельзя.

– Исправляться после восемнадцати лет уже поздно! Перемотать уже не получится, не забывай, сынок, – говорил папа и покровительственно похлопывал его по плечу.

Индриди блестяще сдал выпускной экзамен. Он стал вторым в классе, со средним баллом 9,3. У него были приятели, он участвовал во внеклассной работе и имел хорошие спортивные задатки; но даже помогая родителям готовить праздничное угощение по случаю окончания школы, он все еще не был уверен в своей участи и не смог удержаться от вопроса:

– И что теперь будет?

– Перед тобой открывается будущее, дорогой Индриди, – сказала мама гнусаво. Ее новый нос был все еще под повязкой. Она заказала вырастить его специально к выпускному у сына, тем более что старый нос давно вышел из моды. Свежевыращенный нос должен был быть изящно вздернутым, с тонкими округлыми ноздрями. У мамы были светлые волосы, по летней моде, и карие глаза по случаю четверга. Индриди откашлялся.

– Да, но что будет со мной номер 3?

Папа и мама слегка улыбнулись и посмотрели друг на друга:

– Индриди, мы давно собирались тебе сказать, – начал папа.

– Вскоре после твоего рождения изменился закон, – продолжила мама. – Определение человеческой личности вернули к предыдущей формулировке.

– Больше нельзя перематывать людей, уже 16 лет как нельзя.

– А где тогда я номер 3?

Мама засмеялась, папа хлопнул себя по бедру.

– Его выбросили, когда правила изменились, и отдел возрождений в страховой компании закрыли! – сказала мама.

– Но он служил для тебя хорошим примером, – добавил папа.

– Поэтому нам порекомендовали не говорить тебе.

– Да, он задавал тебе планку и поэтому стал частью тебя. Как номер 1 был тебе предостережением, показывал твою темную сторону, чтобы ты не захотел превратиться в него, – так и номер 3 был идеалом, к которому нужно стремиться, даже если никогда его не достигнешь.

– Без него ты бы не вырос таким хорошим.

– Меня номер 3 просто выбросили?

Потрясенный Индриди недоверчиво смотрел на родителей, а они улыбались и продолжали месить тесто для многослойного миндального пирога.

– Не смотри на нас так. Ты бы не добился таких успехов, если бы не оглядывался постоянно на номера 3.

– Разве детям не повторяют без конца про Грилу или эльфа Спортакуса¹⁰, чтобы они исправились? – спросил папа и стал что-то искать на столе. – Дорогая, передай мне сахарную пудру.

¹⁰ Грила – аналог Бабы-яги в исландских сказках; эльа Спортакус – положительный персонаж из телепередачи «Лентяево» (Latíbr), который учит детей быть подвижными.

Индриди распахнул дверь холодильника и вытащил цилиндрик зеленого льда в упаковке:
– А это тогда что? Это разве не я номер 3?

Папа расхохотался:

– Нет! Это мороженое, фруктовый лед.

– Эскимо «Брейк»¹¹! – провозгласила мама.

Мама и папа встали в центре кухни и завертелись в брейк-дансе; мир перед глазами Индриди тоже пошел кругом. Он никогда по-настоящему не ссорился с родителями. А теперь чувствовал, что впору орать и беситься, но он был так хорошо воспитан, что орать и беситься просто не умел. Он не был так устроен, и к тому же, если подумать, жизнь совершенно удалась. Впереди открывалось будущее. Родители продолжали танцевать брейк-данс, а с прошлым Индриди уже ничего не мог поделать. Он расхохотался и присоединился к ним.

– Мы просто пошутили, – сказала мама.

– Да, разыграли вы меня, – ответил Индриди, вертясь.

Ночью Индриди не спалось. Всю свою жизнь он так безоглядно боялся номера 3, что даже подростком никогда не возражал родителям. Много раз он среди ночи пробирался в кухню, чтобы растопить номера 3, но всегда в последний момент останавливался.

Впрочем, у него и не было причин вырасти трудным подростком. В семье все всегда ладил, его звали домой с прогулок не раньше ровесников, ему все давалось легко. Перед ним были открыты все пути. Но теперь в его голове завертелись все упущенные возможности. «Надо было пойти юнгой на корабль, надо было уплыть в Южную Америку с экспедицией LoveDeath, попробовать себя на море, драться с рыбаками в порту, надо было поцеловаться с Гунной вза-сос, когда она предложила, надо было подумать о будущем и окончить школу досрочно экстерном, но тогда, конечно, пришлось бы учиться летом, отложить Южную Америку и море и Гунну послать подальше...»

Индриди совсем запутался, возможностей было так много, что голова грозила лопнуть. Он подключился к службе «Печалька» и спросил:

– Что было бы, если бы я уплыл в Южную Америку с экспедицией LoveDeath, а не пошел бы в старшие классы?

Ответ пришел немедленно:

– Вы бы погибли.

– Хорошо, – сказал Индриди. У него как будто гора упала с плеч. – Я рад, что не ушел в дальнее плавание.

– Что-то еще?

– Нет, спасибо. Я рад. Хорошо, что я окончил старшую школу. Иначе я бы погиб.

«Печалька» давала людям возможность разобраться в своем прошлом и справиться с новыми обстоятельствами. Миром управляли строгие законы. Если отпустить камень с высоты пять метров, то можно рассчитать, с какой скоростью он упадет на землю; так же можно было рассчитать, что случилось бы, если бы в какой-то момент в прошлом 75 килограммов Индриди свернули направо, а не налево: как это движение сказалось бы на всем остальном мире, что вышло бы из этого, и так далее шаг за шагом. И «Печалька», которую создал Лавстар, могла это вычислить. Можно было позвонить в голосовую службу или отправить электронное письмо, и мгновенно приходил ответ с расчетами за весь мир. Как ни странно, «Печальке» было все равно, как часто ее спрашивают: «Что было бы, если...» Подавляющее большинство ответов было одного содержания: «Вы бы погибли».

¹¹ Популярная марка мороженого, продается в Исландии с 1980-х гг.

А бывали ответы и похуже смерти. Среди вариантов встречались и тяжкие увечья, и изредка конец света – и все это было научно обосновано. Так «Печалька» примиряла людей с жизнью, миром и судьбой.

Для Индриди «Печалька» нередко заменяла сны и кошмары. Было страшно даже подумать, на каком тончайшем волоске висит весь мир; впрочем, слишком долго размышлять об этом смысла не было, ведь к жизни не прилагалась инструкция о том, какой шаг ведет к добру, а какой к худу. Иногда Индриди заказывал подробные описания того, какая жестокая смерть ждала бы его, сделай он где-нибудь крошечный шаг в сторону:

– Я вижу, что ваша правая рука оказалась бы в точке с координатами 64° 05.536' с. ш., 21° 55.321' з. д., и в этот же момент в этой же точке находилось бы левое переднее колесо движущегося автобуса. Через сорок сотых секунды ваша голова попала бы под его левое заднее колесо. Далее я вижу, что еще через четыре секунды некий фрагмент вас – вероятно, кишки – наматывается на переднее колесо автомобиля «Пежо-205GR». Вам требуется художественное или визуальное представление данных или устного рассказа достаточно?

– Достаточно. Я доволен. Я рад.

– Вы еще печалитесь о своем выборе?

– Нет, я ни о чем не печалюсь.

– Замечательно. С вас 1300 крон.

Смысл «Печальки» был в том, чтобы приблизить мир к счастью. Человек несчастен, когда жалеет о прошлом и боится будущего. Чем больше становилось вариантов выбора, тем сложнее было жить. Люди жили в одном мире, но рядом с ним существовал миллион других, несбывшихся. Человек видел бесчисленное множество жизненных путей, на которые мог бы свернуть когда-то в прошлом.

Каждая неиспользованная возможность ложилась бременем на настоящее. Но и этим дело не кончалось: в будущем ждали миллионы новых вариантов выбора, а за каждым из них – миллионы следующих. В конце концов, когда кто-то делал выбор в пользу одного варианта, случалось нечто удивительное: все остальные превращались в печальные сожаления. Так люди и жили, вечно втиснутые в настоящее, придавленные тяжестью будущего, волоча за собой ношу прошлого, – и выхода из этого не было. Количество возможностей нарастало, и печаль сожаления росла и росла вместе с ним, пока люди наконец не увязали в своей колее или не запутывались в невидимых тенетах. И тогда на помощь приходила «Печалька» и зачищала прошлое. «Печалька» утверждала, что каждое решение в жизни каждого человека оказывалось *единственно верным*. Малейший шаг в сторону грозил смертельным исходом или даже гибелью всего мира. Каждый жил в постоянной смертельной опасности и лишь чудом избегал ее, принимая единственно верные решения. Этому стоило радоваться, ведь все по-прежнему были живы – несмотря ни на что.

Пять лет спустя Индриди оставался таким же очень хорошим мальчиком и был рад, что никогда не бунтовал и не творил никаких безрассудств. Чтобы это понять, не нужно было звонить в «Печальку»: поступай он иначе, он не познакомился бы с Сигрид. На следующий день после окончания школы он вышел вечером развлечься и встретил Сигрид на спортплощадке возле Старой гимназии. Они только что устроились поработать на лето в одно и то же место – в агрохозяйство энергетического отдела компании LoveDeath, – но у Индриди еще не появлялось случая с ней заговорить. Он только смотрел, как эта симпатичная девушка выпалывает сорняки на том берегу реки Эдлидау. Тогда на ней были белая майка и оранжевые непромокаемые штаны, а волосы были заплетены в две косички. А теперь она стояла с подругой на крыльце старого здания гимназии. Она улыбнулась, они с Индриди встретились взглядами и с тех пор уже не расставались. Сигрид была красивая, добрая и веселая, и такой она осталась и сейчас, спустя пять лет. И хотя их отношения летели псу под хвост, Индриди все так же

был без памяти влюблен в нее – но теперь уже не понимал, взаимна ли эта любовь. В голове у него звучала «Майская звезда». Он поднялся по лестнице тяжкими шагами, внутри у него все сжималось; он открыл дверь на третьем этаже и позвал:

– Сигрид, дорогая, ты дома?

Он закрыл глаза, борясь со слезами, и страстно пожелал, чтобы все снова стало как раньше. Когда любовь была алой, словно клубника, а жизнь – золотой и сладкой, словно мед.

– Сигрид, ты дома?

Лимонное солнце

Лавстар сидел один в своем самолете, бесшумно несясь над Атлантикой. Прибытие ожидалось через три часа пятьдесят минут, посадка возле штаб-квартиры LoveStar на севере долины Экснададь. Он не решался пошевелиться: на его ладони лежало крошечное семечко. Час назад оно было зеленым и в нем пульсировала жизнь, но теперь пульс как будто затих. Лавстару показалось, что семечко посерело, но это могло быть из-за освещения в самолете.

У Лавстара внутри все сжалось. Все, к чему он прикасался, непременно превращалось в золото, но это семечко, похоже, собиралось только потускнеть. Лавстар изменил мир больше, чем кто бы то ни было до него; так и теперь у него на ладони лежало одно-единственное семечко, в котором скрывалось нечто непонятное, – но это нечто было наверняка сильнее атомной бомбы.

Он сидел в самолете с семечком на ладони. Все прошло по плану, но что делать дальше, он не знал. Обычно у него хватало идей на ближайшие 20 лет, но сейчас он был опустошен, причем настолько давно, что у него развился стойкий иммунитет к дурацким идеям.

Он уже давно не мог спокойно спать по ночам. Он все время резко просыпался, чувствуя, как будто кто-то нашептывает ему на ухо. Как будто кто-то садится ему на грудь и душит. Он боялся гасить свет. Не мог сосредоточиться на заседаниях правления, терял нить разговора, не слышал вопросов или не мог найти ответа. Часто он сидел ночами в одиночестве и ждал новостей о поиске. Обычно он всю ночь чертил, писал, вычислял за своим стеклянным столом. Ему не оставалось ничего другого, как только ждать. В последние дни перед тем, как загрузиться в самолет, он сидел в своем кабинете перед белым листом и вычислял:

«Для Бога каждый день – как 1000 лет
каждый час – это 41,67 года
каждая минута – 0,69 года или 251 день
каждая секунда – 0,012 года или 4,2 дня
одно мгновение – день.

Скорость света – 300 000 км в секунду, и таким образом свет проходит 300 000 км за 4,2 дня по временной шкале Бога.

Поэтому скорость света с точки зрения Бога равна примерно 0,8 км в секунду или 2800 км/ч. В три раза быстрее, чем максимальная скорость авиалайнера без пассажиров.

Для Бога каждый день как тысяча лет».

Он поднял взгляд от бумаги, прислушался, нет ли звуков, и продолжил вычисления: «Мне 71 год с небольшим. Я прожил 25 992 дня. Тому, для кого каждый день длится 1000 лет, покажется, что мне почти 26 миллионов лет. Человечество спит по три века. Просыпаясь утром, люди открывают глаза в течение пяти дней. Мне не требуется спать триста лет; я только что проспал одну треть одного мгновения. Ведь по времени Бога эта треть мгновения и есть восемь часов. Сейчас полтретьего. Я не смыкал глаз уже сто лет».

Он отложил ручку, встал и посмотрел в зеркало. Закрыв глаза и снова открыл. Он так делал иногда, когда был маленький. Пытался открыть глаза побыстрее, чтобы успеть увидеть,

как он выглядит с закрытыми глазами. Закрыв глаза и снова открыл. У него вспотели ладони, задрожали руки. Вошла стюардесса и задернула окна белыми занавесками. Она принесла круглый поднос, на котором лежал ломтик хлеба, намазанный медом.

– Чикаго? – спросил Лавстар.

Она кивнула.

Лавстар разглядывал хлеб. Круглый ломоть, покрытый золотым медом. Солнце на белом подносе. Он откусил кусок солнца, оно стало похоже на ущербный месяц; дрожь тут же прошла. Он откусил еще и стал медленно жевать, пока наконец мир и время не стали золотыми и вязкими. Лавстар снова посмотрел в зеркало и увидел там себя: он сидит с закрытыми глазами и пережевывает мед.

«Вижу, как я сплю и как мне это снится».

Когда он увидел в зеркале, что открывает глаза, снова была ночь. Значит, ему удалось перепрыгнуть через целые сутки. Он сел и продолжил писать; мысли все еще тянулись вязко.

«Каждый день как тысяча лет, а доля секунды – как час. Бог может сбить в полете птицу, схватить летящих мух. Пусть даже он отправится в Африку и вернется через целый божий год, в мире людей мало что изменится, ведь пройдет лишь неполных две минуты. Доля секунды равна часу; за этот час муха прожужжит лишь половину своего протяжного зудящего звука, дизельный двигатель такси сделает два оборота. Шум двигателя – как тяжелый долгий гудок. Таксист что-то произносит в рацию, но тому, для кого каждый день как тысяча лет, потребуется неделя, чтобы выслушать одно предложение. Целый час будет слышно только одно бесконечное “ааааа”.

Через 300 лет из-за восточных гор выглянет солнце, и его свет разольется по столице примерно за пять секунд. Свет будет литься из солнца, словно лимонный сироп из круглой трубки, и накроет город, как пепел Помпеи, как смола, и люди, покрытые им, будут двигаться так медленно, что у них уйдет целый год на чистку зубов, а может, этот свет так похож на мед потому, что он течет через веки человека, который, просыпаясь, бормочет: Ммммм, мед...»

Звонок старого дискового телефона на столе прервал дальнейшие вычисления. Звук был резкий, надрывный, и Лавстар вздрагивал с каждым новым сигналом. Сначала он какое-то время просто смотрел на телефон, а потом взял трубку.

– Аллю!

На том конце был начальник поисковой группы.

– Пришли результаты поиска, – сказал он серьезно. – Мы только что нашли то самое место. Все сходится к одной точке.

– И что там? – спросил Лавстар.

– Мы не знаем, – ответил тот, – но место мы нашли.

– Что там? – повторил Лавстар дрожащим голосом. – Что вы нашли? Куда все сходится? Начальник поиска молчал.

– Отвечайте! – Лавстар смотрел на свою дрожащую руку.

– Никто не решается заглянуть. Никто не хочет подходить туда близко.

– Чер... – вырвалось у Лавстара; он оглянулся. Внезапно показалось, будто их подслушивают. – Что будете делать? – прошептал он.

– Не знаю, – ответил начальник поиска. – Я честно не знаю.

– А вы сами?

– Я не пойду. У меня дома жена и дети. Можете меня уволить, господин директор, но я не пойду.

Лавстар бросил трубку.

Он поехал сам.

И нашел семя.

И поэтому он сидел в самолете, с семечком на ладони и чудовищной тяжестью в груди... Сердце было как разбитое яйцо. Осколки скорлупы вонзались ему в позвоночник, в диафрагму, лезли в легкие, так что становилось трудно дышать. Скоро его мучениям придет конец. Медовое солнце больше никогда не зальет его веки светом. Ему оставалось жить три часа тридцать три минуты.

Мед

Когда жизнь Индриди и Сигрид была сладкой, как мед, они просыпались под утренним солнцем, как будто склеенные медом. Но не опьяняющим медом из Чикаго, а чистым, золотым, сахарным медом, который достается только пчелиной матке. Ладони сжаты в ладонях, тела притерты друг к другу, ноги переплетены в толстую косу, так что не понять, где чья.

– Мед, – бормотал Индриди, вынимая свой язык изо рта Сигрид, чтобы пожелать ей доброго утра, но она складывала губы трубочкой и втягивала его язык обратно в себя, обнимала его еще крепче и стискивала бедрами. Так они лежали еще с полчаса, и хотя он находился внутри нее, они не занимались любовью. Это было просто продолжение объятий, вопрос максимального единения и наибольшей площади соприкосновения. Чтобы чувствовать себя не только одной душой, но одним телом.

Им казалось почти невозможным оторваться друг от друга, но все же они выползали в гостиную – больше напоминая при этом восьминогую паука, чем тележное колесо без обода, – и только когда их рты наконец разъединились, она роняла первое слово. Всего одно крошечное слово, и плотину прорывало, потому что это слово запускало цепные реакции в их мозгах. Слова лились наружу, а потом снова внутрь, словно совершался круговорот воды. Биолог сказал бы, что эти двое питались порождением слов и тем теплом, которое перетекало между ними, снова и снова. Они подолгу лежали на полу, болтали, смеялись и дурачились, потому что вместе они были совершенно цельными, настоящими – как начерченный круг.

Они питались не только словами, но и тишиной. Когда они замолкали, тишина была такой насыщенной, а ощущения так наполнены смыслом и пониманием, что когда кто-то из них прерывал молчание словом или фразой, то часто этим словом он продолжал мысль, которую другой думал прямо сейчас.

Конечно, Индриди и Сигрид должны были, как все, ходить на работу, и поэтому, когда они прекращали заниматься любовью на кухонном полу и ждали, пока закипит чайник, Индриди собирал последние силы и выпутывался из медового клея, и Сигрид натягивала свитер и трусы. Совместными усилиями они одевались и даже разъединяли губы – только чтобы позавтракать, – но не прекращали держаться друг за друга. Потом они долго смотрели друг другу в глаза и наконец, нехотя, говорили: «Пока, увидимся в обед».

Но за любовью еще оставалось последнее слово. Они выходили из дома вместе, Индриди вставал на углу, а Сигрид, не отрывая от него глаз, пятилась по тротуару в сторону своей работы – комбината престарелых по соседству. Индриди смотрел ей вслед и махал руками, если она норовила войти задом в клумбу или куст. Дойдя до перекрестка, она останавливалась и посылала Индриди воздушный поцелуй, а потом делала широкий шаг в сторону и скрывалась за углом. Как будто солнце пряталось за тучами. В темноте грудных клеток их сердца стучали теперь одиноко и тоскливо, и им становилось так неумоготу в разлуке, что они тотчас же звонили друг другу:

– Где ты? – спрашивал Индриди.

– Я тут, прямо за углом.

– Скучаешь?

– Да, скучаю.

– Выглянем еще?

– Да, давай еще разик.

И они делали пару шагов назад, выглядывали каждый из-за своего угла и махали друг другу. Порой они не могли удержаться, бегом возвращались обратно и обменивались еще несколькими прекрасными словами, которые стекали с их губ и, попадая в уши, превращались

в чарующий, щекотный электрический ток, который переливался, будто северное сияние, над темной поверхностью мозга. Индриди обнимал ее за талию, и они заглядывали друг другу в глаза.

– Я скучал, – говорил он.

– Так тяжело расставаться, – отвечала Сигрид, с тревогой оборачиваясь на дом престарелых.

– В обед увидимся, – говорил Индриди.

– Пока, – отвечала Сигрид. После этого они стояли молча еще десять минут, не решаясь сделать первый шаг прочь, но наконец считали «раз, два, давай!» и бежали на работу что есть мочи, уже не оглядываясь, потому что оба опаздывали.

Иногда в обед Индриди и Сигрид брали велосипеды, ехали в порт и садились в кафе на набережной. Над головой высилась Статуя Свободы: трехсотметровый Йоун Сигурдссон стоял, широко расставив ноги, над входом в гавань, опираясь на волноломы. Он смотрел в волнующееся море, а глаза горели огнем. Вечный огонь свободы. Его пламя указывало ослепительно-белым круизным лайнерам путь в гавань, и они подползали к причалу, словно рыболовные суда, доверху нагруженные мойвой. Спускали трапы, и тысяча представителей рода человеческого, нетерпеливо жаждавших любви, стекала с корабля и устремлялась на север, в Экснадаль – вечнозеленую долину, в которой блеяли овцы, таякали лисы, любовь не нуждалась в доказательствах, а в облаках мерцала надпись «LoveStar!».

В погожие дни с севера возвращались вереницы грузовиков с кузовами, полными мягкого сена. В сене штабелями лежали влюбленные парочки. Грузчики обвязывали каждую парочку ремнями, цепляли к крану, и они повисали над портом, словно восьминогие кони, а потом опускались в трюмы кораблей. У Индриди и Сигрид было целых полчаса, чтобы родить друг другу слова. В глазах их сияло счастье – яркое, как звезда LoveStar.

Любовь Индриди и Сигрид лишь выросла за те пять с небольшим лет, что они были вместе. Она уже не ютилась в сердце крохотным семечком – она пустила корни и побеги по всему телу, до самых кончиков пальцев, так что их подушечки стали чувствительными и невероятно возбудимыми. Когда Индриди и Сигрид держались за руки, они терлись средними пальцами – и обоих охватывало удивительное, волшебное ощущение, а на губах одновременно появлялась загадочная улыбка.

Многим казалось, что любовь сковывает Индриди и Сигрид по рукам и ногам, а мама Сигрид даже прямо называла это состояние инвалидностью. Например, и Индриди, и Сигрид отказывались быть современными и беспроводными. Они много раз пытались насладиться свободным и гибким рабочим графиком – хоть из дома, хоть с дачи, хоть с романтического пляжа, – но долго так жить не выходило. Если никто не требовал от них присутствовать в конкретном месте в течение конкретных часов, они просто не могли работать: они все время пытались украдкой поцеловаться или погладить друг друга, и чаще всего в итоге оказывались обнаженными в кровати.

Поэтому Сигрид оставила свою карьеру дистанционного инженера-строителя и устроилась в дом престарелых, где ухаживала за стариками, до того, как их отправляли на север в LoveDeath. Однако мать питала насчет нее большие надежды и считала, что дочь достойна большего.

– Тебя Индриди подбил работать на этой овощебазе?

– Мама, не называй их овощами...

– Но ты же не *свободна* там!

– Свобода нам не подходит, мамочка, – отвечала Сигрид, морщась при одной мысли об этом. – У нас на свободе ничего не получается.

– Твоему Индриди, что, обязательно все время быть к тебе приклеенным?

– Мне тоже, мамочка, – говорила Сигрид. – Не только ему.

Сам Индриди пожертвовал своей карьерой дистанционного веб-дизайнера и устроился садовником, ухаживать за зелеными насаждениями вокруг Птицефабрики. И Индриди, и Сигрид заметно потеряли из-за этого в зарплате, но они ни о чем не жалели. «Печалька» уверяла их, что начать жить вместе было правильно: иначе Индриди попал бы в автокатастрофу и мгновенно погиб, а Сигрид подседала бы на наркотики и утонула в бассейне на вечеринке под горой Ульварсфедль¹².

Но если Сигрид и Индриди как будто плыли сквозь жизнь на розовом облаке, то маме Сигрид представлялось, что на них надвигается черная тень.

– Сигрид, дочка, я записала тебя на прием к специалисту.

– Что-что?

– Ты такая молодая и наивная. Тебе будет очень тяжело, когда вы расстанетесь.

– Не переживай, – ответила Сигрид с издевкой в голосе. – Мы никогда не расстанемся.

– Статистика, милочка, – возразила мама, качая головой. – Статистику не перешибешь.

Однако Индриди и Сигрид не давали статистике омрачать свою любовь. А если кто-то за них беспокоился, то он мог сам посмотреть, как они живут в уютной квартирке, пройдя по электронному адресу [www.Hraunbaer90\(3hm\). is](http://www.Hraunbaer90(3hm).is). Нормальному современному беспроводному человеку нечего скрывать (и негде скрываться). Если кто-то давил вездесущих бабочек-видеорегистраторов или ругался на них, все сразу думали: «Что это он там скрывает?» – и тут же расплзались слухи.

Индриди и Сигрид жили в бесконечно длинном многоквартирном доме, который тянулся по другую сторону улицы от старой фабрики «Кока-колы», которую переоборудовали под Птицефабрику. На ней не только разводили певчих ржанок для парка развлечений LoveStar в Экснадале, но еще и выращивали розы, пахнущие медом. Когда Индриди утром открывал окно, дом наполнял запах роз и меда, а с фабрики неслись песни ржанок, отдаваясь эхом по всей округе.

Птицефабрика находилась в огромном ангаре, похожем на пещеру. Ведь певчие птицы должны были не только демонстрироваться в парке LoveStar, но и попадаться на глаза туристам на лоне природы еще по дороге к нему. Поэтому с фабрики ежедневно выезжали грузовики, набитые ржанками, которых потом рассаживали по холмикам вдоль всей Национальной кольцевой автодороги. Ржанки совершенно не желали летать и поэтому становились легкой добычей для волков, но это никого сильно не волновало, ведь стоимость выведения одной ржанки была ничтожна по сравнению с удовольствием, которое они доставляли туристам.

Птицефабрику построили на волне невероятной мировой популярности романтических кинофильмов о жизни Солнца нашей поэзии, которые сняли по заказу Лавстара к открытию парка развлечений. Фильмы эти имели огромную силу воздействия, и теперь все, кто под их впечатлением прибывал в страну, непременно ожидали от поездки столь же ярких эмоций, вдохновения и сильных потрясений духа. Однако их могло ждать разочарование, ведь, согласно опросам общественного мнения, им действовали на нервы две вещи. Во-первых, над горным

¹² Эта невысокая гора находится недалеко от Рейкьявика. В наши дни это незастроенный уголок природы, никаких домов с бассейнами, чтобы устроить вечеринку, у ее подножия пока нет.

пиком не всегда было видно звезду Лавстара, а во-вторых, птицы, которых туристы видели из окон автобусов, не представляли собой ничего особенного. Когда экскурсоводы показывали им ржанок и говорили: «That's a Lóa, the bird from the romantic poems, the bird from the romantic movies», – в ответ с задних сидений обязательно раздавался недовольный голос: «Das ist nicht der Vogel in dem Gedicht. Driehf thef of in fluc! That ain't the bird I came to see!»¹³ А затем вся группа непременно затягивала хором последнюю строфу, произнесенную великим стихотворцем, когда любовь всей его жизни погибла под лавиной, путеводная звезда рухнула с неба, а сам он в отчаянии бросился со скалы LavaRock (ранее Хрёйндранги)¹⁴:

Oh springbird with the whitest chest
Wings of love and all the rest
So beautiful like babies hands
Best of birds in all the Lands
Oh Lóa, do your dirrindee
A dream of summer it may be
Oh Lóa will you fly with me?
Will you bring my love to me?¹⁵

Пока поэт произносил эти строки, ржанка летела к нему сквозь снегопад с восточкой в клюве: его любимая не погибла под лавиной, а оказалась заперта снегом в домике. Но он не дождался птицу и спрыгнул со скалы, а потом его возлюбленная умерла от голода в руинах домика (правда, до этого успев съесть целую миску кислой баранины, отчего утратила всю свою немалую сексуальную притягательность).

В фильмах о «поэте-пастушонке ЯН» – «Крылья под Звездой Любви» и «Мальчик из Глубокой долины» – ржанку с помощью компьютерной графики изобразили так, как она должна была выглядеть с точки зрения поэта. У зрителей перехватывало дыхание от волнения, когда птичка неслась сквозь снежную бурю, и подступал комок к горлу, когда она кружила с посланием в клюве вокруг падающего со скалы поэта; а ее отчаянный писк, когда великий художник слова разбивался насмерть о камни, заставлял прослезиться даже самых жестокосердных людей.

Положение настоящих ржанок резко пошатнулось. Местные жители чувствовали себя глубоко оскорбленными, когда туристы, увидев настоящую птицу, спрашивали: «Это не есть ржанка, это есть какой-то ржавый бекас?» Тогда орнитологи (нанятые организацией туроператоров) заявили, что ржанка, вероятнее всего, с тех пор неоднократно скрещивалась с бекасами, а также со скворцами или подобными видами. Ржанок стали заставлять за этим, в газетах появились фото. А с кем они успевали пообщаться на зимовке, вообще невозможно было установить.

Поэтому, когда Лавстар выкупил фабрику «Кока-колы» и переоборудовал ее под птицефабрику, это было очень символично и патриотично... В течение четырех лет исследовательский отдел Птицефабрики неустанно трудился над улучшением ржанки, добиваясь, чтобы она наконец смогла соответствовать требованиям даже самых взыскательных туристов. Теперь

¹³ «Это ржанка, “лоуа”, та самая птица из романтических стихов и романтических фильмов». – «Это не птица из стихотворения! Это не та птица, за которой я ехал!» (нем., вымышленный язык, англ.)

¹⁴ Успокоим читателя: реальный Йоунас Хатльгримссон ни с какой скалы не прыгал. Топоним Хрёйндранги означает «Лавовая скала», точно так же, как и LavaRock.

¹⁵ О, птица весенняя с белейшей грудкой, крыльями любви и всем прочим, прекрасными, как детские ручки, лучшая птица во всех Землях. О, Лоуа, пой свое «дирринди»! Это мечта о лете? О, Лоуа, ты полетишь со мной? Привезешь ко мне мою любовь? (англ.)

ржанка стала размером с индюка (собственно, генетически она и была на 73 % индюк, но это держалось в секрете), приобрела величественную посадку головы и белоснежное оперение на груди. Птица была отменно хороша на вкус, несла яйца в бурую крапинку и непрерывно пела.

Индриди обходил территорию Птицефабрики с тачкой и граблями каждый день. Он сажал вдоль дорожек лапчатку и незабудки, разнимал спутавшийся вереск, укладывал плитку и поливал траву-пушицу на болоте. Он подстригал деревья, выпалывал сорняки и косил траву. В конце лета он собирал воронику и чернику, относил домой и клал в скир для Сигрида.

Звук, доносившийся из помещений Птицефабрики, был не похож ни на что другое, и в солнечную погоду жители района собирались на лужайках на ее территории, ложились среди вереска, любовались облаками и слушали пение новых ржанок. И за все это надо было благодарить идеи и видение Лавстара.

Любовь Индриди и Сигрид была легкой, как танец среди медовых роз, в течение пяти с небольшим лет. Но вдруг все это полетело псу под хвост, и теперь Индриди не был уверен, что Сигрид ждет его дома. Они давно уже не терлись средними пальцами. Когда он поднимался по лестнице, шаги его были тяжелы. Сердце колотилось в груди. Индриди открыл дверь и позвал:
– Сигрид? Ты дома?

Lovedeath

В сознании Индриди и Сигрид компания LoveDeath была неразрывно связана с любовью. Ясными зимними вечерами они часто ездили на лыжный курорт Блауфьёдль, прямо к закрытию: когда на склонах гасили освещение, становились видны даже самые далекие звезды. Сигрид и Индриди устраивались поудобнее у самой вершины горы, возле занесенного снегом и обросшего сосульками домика, на крыше которого стоял рекламный щит:

LoveDeath
Чистая энергия
Чистая смерть

Индриди и Сигрид вглядывались в темноту, молчали, или шептались, или слушали дыхание друг друга и наблюдали, как с их губ срываються облачка пара, как будто с горячих источников, а иногда эти источники бурлили. Их разговоры о жизни и любви тоже бывали бурными, как горячий источник, когда они лежали на склоне горы, наблюдая, как мерцают звезды и как вдали над столицей горит желтый световой купол, который навечно защитил ее жителей от тьмы и звезд.

– Вон Орион, – говорил Индриди.

– Да, вон Ригель, его еще в старину называли Посох Иакова, – отвечала Сигрид.

– Где? – переспрашивал Индриди.

– Вон там, прямо под звездой Лавстара, – говорила Сигрид и показывала на искусственную звезду, которая сияла ярче всех остальных.

Через равные промежутки времени появлялись падающие звезды. «Вот еще кто-то умер», – перешептывались влюбленные, глядя, как метеор летит по небу и сгорает в атмосфере. «Вот еще кто-то умер», – говорили они и были совершенно правы. А из завтрашней «Утренней газеты» можно было узнать, кто именно, и прочитать слова прощания, написанные близкими покойного.

Когда дул солнечный ветер нужной силы, появлялось северное сияние: сначала бледное, как бензиновая пленка на воде, а потом все ярче; оно танцевало по небу, словно кто-то чертил в воздухе линии энцефалограммы. Но оно редко держалось подолгу: как только оно появлялось, в заснеженном домике раздавались грохот и шаги, зажигался свет и наружу выбирался старичок в меховом пальто и с большими усами.

– Вот и Эйнар проснулся, – шептала Сигрид.

Обычно Эйнар ничего не говорил, а сразу поднимался, хрустя снегом, к самой вершине, где стояла мачта, и наполнял там гелием оранжевый аэростат. На нем было написано яркими буквами:

LoveDeath
Чистая энергия
Чистая смерть

Эйнар привязывал аэростат к бесконечной катушке медной проволоки, укрепленной на мачте; от мачты начиналась линия высоковольтных проводов, уходившая на север, к космодрому LoveDeath.

– Не путайтесь под ногами, – ворчал Эйнар, доставал нож и обрезал привязной канат аэростата.

Оранжевый шар взлетал в темноту, проволока начинала быстро-быстро разматываться с катушки. Тем временем северное сияние разгоралось сильнее и становилось похоже на бело-зеленую ледниковую речку, которая струится и бурлит по черному песку, а аэростат казался оранжевым поплавком на леске. Старик как будто рыбачил, но прежде чем Сигрид и Индриди удавалось разглядеть рыбу, аэростат достигал нужной высоты, проволока заземляла северное сияние, и по ней стремительным вихрем скатывался вниз поток электрического пламени: вся река водоворотом уходила в слив. Мачта полыхала во тьме голубым светом, как сварочная горелка, а провода гудели и трещали, передавая электричество на север в LoveDeath. Тогда Эйнар уходил к себе в домик и гасил свет.

Индриди и Сигрид оставались сидеть и смотрели, как аэростат загорается светом, как будто лампочка или искусственная луна, а вокруг него бушует электрический вихрь. Они слушали, как гудит нисходящий поток энергии, и наблюдали молнии, проскользавшие вокруг проволоки то тут, то там. Индриди снова принимался думать о реке и поплавке, о том, как старик осушил реку, подобно гигантскому быку троллей из народной сказки, а звезды остались лежать на черном ложе реки, как будто золотые рыбки. С соседних гор – Эсьи, Кейлира, Хенгля, Скьяльдбейда – тоже начинали подниматься аэростаты; звезда Лавстара за своим вечным облаком разгоралась ярче, а с неба катилась еще одна искра.

«Вот еще кто-то умер», – думали они одновременно. Сигрид хотелось плакать, ведь недавно на север, под гору LoveDeath, отправилась ее прабабушка.

Когда Кристолина, прабабушка Сигрид, умерла, ее не опустили гнить в холодную могилу, ведь она целых десять лет копила деньги на услуги LoveDeath. Когда ее пульс пропал с экрана в больничной палате, ей закрыли глаза (Индриди обнял Сигрид) и опустили на лифте в подвал, где находилось представительство LoveDeath. Сотрудница компании в черной форме стюардессы одела Кристолину в серебристое одеяние и отправила тело в черный грузовик-рефрижератор, стоявший у отдельного входа. В нем ежедневный урожай смерти вывозили из столицы ровно в 5.30 вечера.

Грузовик, заполненный телами, загрохотал по дороге на север и, не доехав совсем чуть-чуть до парка развлечений, свернул налево перед указателем, гласившим:

гора Миркаульфьядль¹⁶
космодром LoveDeath № 2
стартовые площадки 18–54
<– погрузка смотровая площадка —>

Грузовик въехал в туннель у подножия горы и добрался по нему до белого начищенного купола. В центре помещения под этим куполом возвышалась вертикально поставленная ракета. На боку по всей длине красовалась надпись: LoveDeath. Обшарпанная после многих запусков и посадок, посреди идеально чистого помещения она смотрелась чужеродно. Люк ракеты был открыт, и Кристолину загрузили с помощью конвейера вместе со всей жатвой смерти, собранной по стране за тот день; в ракете они присоединились к большой группе поступивших ранее фарерцев, датчан и норвежцев.

Индриди, Сигрид и все родственники покойной собрались в зале на 57-м этаже крыла LoveDeath в комплексе парка развлечений LoveStar. Оттуда сквозь стеклянную стену открывался величественный вид: ледник Миркаульфьядль, дирижабли и стартовые площадки космодрома, расположенные цепочкой чуть ниже горных вершин по ту сторону долины. Дети бежали

¹⁶ Топоним означает «Гора Темной реки».

в зал довольные, вприпрыжку: перед прощанием они провели совершенно сказочный день вместе с Некролей – непробиваемо радостным кроликом в космическом скафандре. Вообще всю эту поездку на север устроили не в последнюю очередь ради детей, ведь Некроля и его игры смягчали шок от ухода близкого родственника. Эффект был таким сильным, что поездки в LoveDeath стали для детей желанным приключением. «Прабабуля! А ты когда отправишься в LoveDeath?» – все последние годы спрашивала у Кристолины маленькая троюродная сестра Сигрид. – «Моей подруге очень повезло: она уже четыре раза ездила играть с Некролей!»

С этажей, занятых торговым центром, подтянулись подростки с поллитровыми бутылками газировки, мрачно уселись в углу и стали через свои сетевые линзы играть в игры и общаться в чатах. Матери одергивали их: «Магнус! Бабушка сейчас отправится в последний путь. Будь так любезен обратить внимание!»

Мужчины постарше заказали в баре пива перед знаменательным моментом; и вот все глаза уставились в окно. Где-то в недрах горы на западном склоне долины захлопнулись железные двери. В баки закачали водородное топливо, пошла искра, земля задрожала – и ракета медленно поднялась над вершиной, а потом резко рванулась вверх, оставляя за собой колоссальный столб огня и дыма. Скорбящие родственники, не отрываясь, следили, как ракета быстро исчезает в слоях стратосферы и ионосферы и превращается в маленькую точку, сияющую, словно звезда на дневном небе. А когда и эта точка погасла, все поняли, что прабабушка Кристолина покинула пределы атмосферы. Теперь ее и все остальные тела покойных выпустят из ракеты в темную и безмолвную пустоту, и они сделают в невесомости один виток вокруг земного шара. Но это еще не финал: впереди оставалось еще одно сказочно прекрасное действо.

На следующий вечер все родственники Кристолины поехали на вершину горы Эсья, припарковались, погасили все фары и устремили взгляд в чистое сентябрьское небо. Папа Сигрид счистил иней с установленной на вершине круглой панорамы звездного неба, повернул ее в соответствии со временем суток и осветил фонариком. Потом поднял голову и ткнул в небо пальцем:

– Она покажется в районе Большой Медведицы в восемнадцать минут двенадцатого.

Потом все расселись по холмикам и валунам или легли на мягкий мох. Сигрид высморкалась; Индриди обнял ее. В 23 часа 18 минут прабабушка начала входить в плотные слои атмосферы. Она в этот момент прошла точку с заранее заказанными координатами и, повинувшись притяжению планеты, стала приближаться к Земле с возрастающей скоростью, согласно закону Ньютона, и в безмолвной тьме между звезд белым огнем прочертилась длинная светящаяся линия. «Звезда падает!» – стали перешептываться дети, загадывая желания. Это было печально и красиво, и у всех навернулись на глаза слезы, ведь смерть оказалась так символична и прекрасна. Как говорится, жизнь – это лишь вспышка в темноте, но темнота, которая наступает со смертью, не пуста. Нет, это бесконечный космос, полный звезд. Все почувствовали облегчение, ведь последним и самым сильным желанием бабушки было именно это: сгореть в ковше Большой Медведицы и пересечь яркой линией полную Луну. Лететь, как стрела, выпущенная из лука Стрельца.

Поскольку прабабушка состояла на 70 % из воды, то, сгорев, она превратилась не в пепел – скорее в пар. Она испарилась. Звездочка обернулась облачком. Кристолина превратилась в облако и соединилась со своим мужем, который тоже когда-то вошел в атмосферу и стал облаком, и со всеми теми миллионами людей, которые стали облаками до нее и пролились дождем, орошая траву и цветы. Костный прах и остатки клеток составляли лишь 30 % тела, и они опали на землю, став питательным удобрением для растений. Те из собравшихся, кто не привык смотреть в ночное небо, почувствовали головокружение, увидев его неизъяснимую глубину и красоту. Их переполняла благодарность за то, что сама смерть Кристолины сплотила семью и подарила им всем эту короткую встречу на вершине горы, под этим небом:

«Спасибо тебе, что родилась и ушла до меня и показала мне, как прекрасен мир и как коротка и хрупка жизнь. Я никогда тебя не забуду, бабушка-облачко. Я буду беречь свою маленькую жизнь и копить на то, чтобы меня тоже запустили на ракете в небо, когда я умру».

Родители показывали детям на облака и говорили: «Прабабушка отправилась на небо. Она теперь в облаках, вместе с прадедушкой. Она на седьмом небе. Если будешь внимательно разглядывать облака, может быть, увидишь в них прадедушкину бороду или улыбку. А если немного подождешь, может быть, бабушка тебе сложит из облака кита, если, конечно, они с прадедушкой не улетели в Африку показывать китов тамошним детям. Ты же помнишь, что они всегда любили Африку. Завтра ложись на спину и посмотри, вдруг прабабушка с неба сложит тебе что-нибудь из облаков».

Идея LoveDeath принадлежала Лавстару. А точнее, она овладела Лавстаром и не оставляла его до тех пор, пока он не воплотил ее в жизнь. Идея не давала ему спать, лишала аппетита и сексуального влечения, – но накачивала его веществами, придававшими ему столько сил, что теперь она просто не могла не воплотиться. И хотя некоторым поначалу проект LoveDeath казался нереалистичным, на практике все было очень просто. Технологии были давно известны, а в арсеналах бывших сверхдержав лежали тысячи старых ракет и ждали своего часа. В конце концов, ядерные войны планировалось вести не только при хорошей погоде, так что запустить ракету в сильную метель с нового космодрома в Экснадале было не сложнее, чем в такую же погоду посадить магистральный авиалайнер в аэропорту Кеблавик. Поэтому все упиралось в деньги и маркетинг, и еще в энергоснабжение для производства дешевого водородного топлива; наконец, чтобы привлечь внимание и задать верный тон, нужно было запустить таким образом в космос несколько богатых знаменитостей. То есть вопрос был в том, чтобы эта идея пришла в голову правильному человеку. Более того, Лавстару даже не нужно было разбираться во всех тонкостях самому. Он давно уже перестал заниматься своим предметом – внутренним компасом и мозговой деятельностью птиц, бабочек и пчел. И теперь ему не нужно было превращаться в эксперта по водороду, стартовым площадкам, астрономии, солнечному ветру или циркуляции облаков: эти знания можно было просто купить. Нужны были только идея, четкая цель, финансирование и сила убеждения, чтобы вести за собой команду к этой цели. Можно было обойтись без консультаций или дорогих соцопросов: Лавстар сам чувствовал, что приведет его к успеху, и позволял тому свершиться.

Менеджеры по продажам из отдела настроения LoveDeath немедленно заняли места у смертного одра кинозвезд и рок-музыкантов. Они приглушали свет в палатах, открывали ноутбук и запускали доходчивые интерактивные ознакомительные видео:

– Проект LoveDeath представляет для вас отличную возможность заявить о себе, потому что это настолько инновационная идея, что наш запуск попадет во все мировые новости. Мы пропишем, чтобы в прайм-тайм показали фрагменты вашего клипа, а если все сложится, к запуску мы приурочим глобальный выпуск сборника ваших лучших хитов.

– Но у меня же был только один хит, только один... – вздыхала умирающая звезда.

– Да, я хотел сказать, вашего хита. Это будет сингл, переиздание. Недельная выручка с продаж отобьет все расходы на услуги LoveDeath. Вы еще и хорошенько заработаете на этом. А ваше имя станет жить в веках среди звезд.

В LoveDeath умели называть вещи правильными словами и помещать их в правильный контекст. Смерть становилась чище, возвышеннее, блистательнее и легче. Обеспечивалась экономия земельных ресурсов. Если могилы нет, то ее не забросят; никто не будет мучиться совестью, что она заросла сорняками; не потребуются покупать памятник. Долой вонь, ужас и черепа с зияющими ртами.

В сознании общества со старым способом погребения стали прочно ассоциироваться кишащие черви и зловещие черепа – особенно после удачной рекламной кампании в первые дни после запуска LoveDeath. Флагманский ролик кампании, удостоенный всяческих премий, назывался «Гниющая мать»:

Ролик в ускоренном темпе показывает первый год нахождения тела в земле. В холодную могилу опускается мать, умершая молодой; ее красивое тело вздувается, синеет и разлагается. В ускоренной перемотке оно беспокойно извивается и пучится, а лицо съедают черви, так что кажется, словно мертвец кричит. Потом показывают новый способ:

Ясное небо
Падающая звезда
LoveDeath

Чистый способ. Чистота – это важно. Ясная, прекрасная идея. LoveDeath – это красиво, а ее идея понятна даже детям, которые никак не возьмут в толк, отчего это, если человек отправляется на небеса, его надо опускать в землю.

Ребенок: Мама! А куда попадают плохие люди?

Мама: В преисподнюю.

Ребенок: А что такое преисподняя?

Мама: Преисподняя находится под землей.

Ребенок: А бабушка тоже попадет в преисподнюю?

Мама: Нет, она попадет на небеса.

Ребенок: А почему тогда ее опустили в землю?

Мама: Ох, поймешь, когда вырастешь.

Диктор: С LoveDeath все могут попасть на небеса всего за 30 000 крон (*в месяц, в течение двенадцати лет). LoveDeath – высшая точка жизни!

Из радиорекламы

Старый способ похорон бледнел в сравнении с LoveDeath. Где же бабушка: зарыта в землю, провалилась в преисподнюю или вознеслась в небеса, словно ангел? Нет, так не пойдет. Старый образ мыслей был неясен, требовал слишком долгих объяснений: материя сюда, «дух» туда. Лечь в сырую землю – неужели это достойный конец прекрасной жизни? Разве можно отправлять любимого человека на последний покой туда, где живой не успокоился бы ни на мгновение, особенно темной ночью? Зарывать свою любовь в месте, которое извечно связано с мраком и ужасом? Да и кто захочет вкладывать деньги в тление? Ответ был прост: старый вариант смехотворен. Обряд – невыносим. Разложение – отвратительно. Сама идея была дурная и бесперспективная с самого начала, но она обрела ореол традиции лишь потому, что за 60 000 лет никому не пришло в голову ничего лучше. И, пожалуйста, никаких цветов и венков; тем, кто хочет помянуть покойного, предлагается пустить деньги на какую-нибудь благотворительность. В смерти лежал потенциал, который не смог разглядеть никто, кроме Лавстара:

«Отчего люди должны экономить на смерти, если перед тем спускали триллионы миллиардов на неодушевленные предметы и всякую чепуху? С чего бы им внезапно говорить «стоп!», когда речь заходит о таком знаменательном событии, как уход из жизни? Все люди смертны; значит, целевая аудитория – все человечество, и все же ни один маркетолог до сих пор не разглядел возможности сделать на этом бизнес. Целевая группа: весь людской род. Месседж: смерть. Это только показывает, насколько все эти маркетологи узко мыслят. Они не брались за

масштабные идеи, за глубокие идеи. Ведь что получал покойник за свой миллион? Гроб, ямку, камень и вокруг клочок земли. А что за миллион мог получить живой? Два кругосветных круиза. Два месяца проживания в роскошных отелях, шестиразовое питание каждый раз по шесть блюд. Было очевидно, что на каком-то этапе людей обманывают – но одни участники процесса были мертвые, а значит, не жаловались, а другие убиты горем, а значит, им было не до того».

«В компании со смертью». Книга-интервью с Лавстаром

Сначала проект LoveDeath оставался уделом миллиардеров. В Голливуде к нему прибегали после того, как пластический хирург признавал свое окончательное поражение перед морщинами, мешками под глазами, венозными звездочками, целлюлитными корками и отвисающими грудями. Теперь, говорил тогда врач, закат уже близок, а значит, пора принять верное решение и запустить себя на орбиту на высшей точке своего бытия. Предать себя LoveDeath и сжечь весь жир раз и навсегда.

«Смерть чиста и бела, словно снег. LoveDeath – это очищающее пламя. Перед тем как слиться с вечностью, вы сгораете в атмосфере. Только тогда дух (или пар) освобождается от связи с материей».

Из прощальной речи Лавстара после запуска тела папы римского Пия

В первые годы запуски LoveDeath неизменно попадали в подборки мировых новостей, а на космодромы стекались туристы и фанаты. А по мере роста популярности сервис компании стал улучшаться, цена снизилась и общее качество выросло.

Реклама в газете:

Мужчина лежит на смертном одре, над ним – пузырь с текстом его мыслей. В нем только черное небо и слово LoveDeath. Вокруг стоят родственники, над ними тоже пузыри, у каждого в них что-то свое:

LoveDeath	джип	яхта	пляж	дача
☐	☐	☐	☐	☐
☐	☐	☐	☐	☐
☐	☐	☐	☐	☐
☐	☐	☐	☐	☐
☐	☐	☐	☐	☐
мужчина	сын	сестра	мама	дядя

Под картинкой текст:

Думаете, они вас запустят на орбиту, когда придет пора?

Начните откладывать на счет в LoveDeath

– и мы отправим вас в заоблачную высь!

LoveDeath делает смерть интереснее!

– Старый слоган, весенняя кампания LoveDeath.

Похороны по старинке обходились в миллион крон, а то и в два, и за 60 000 лет они ни в чем не изменились. Похороны «от LoveDeath» довольно скоро смогли с ними конкурировать: со временем они стоили уже не в 1000 раз больше, чем традиционные, а лишь в 100 раз, а вот уже и всего в 10 раз – и тут обороты проекта стали расти невероятными темпами. В конце концов услуги LoveDeath стали стоить дешевле, чем отправка 200 кг свежей рыбы самолетом из Японии.

Конечно, сначала услуги компании LoveDeath были по вкусу не всем целевым группам, но как только новые похороны стали не дороже старых и появился кролик Некроля, о вкусах речь уже не шла. Дети уже не соглашались ни на что другое, а кроме того, с LoveDeath смерть стала практичнее, пристойнее, дешевле, проще и красивее. Мегазвезды теперь выделялись из общей толпы баснословно дорогими погребальными костюмами из материалов, которые сгорали по очереди, с повышением температуры:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.